

ВЛАДИМИР ТАРАСОВ

Природа и причины российских кризисов

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ: ИСТИННАЯ ПРАВДА
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Владимир Тарасов

Природа и причины российских кризисов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18512196

ISBN 9785447463137

Аннотация

Современные экономические теории часто оказываются не в состоянии предсказать наступление важных событий в экономике, которые иногда называют черными лебедями. Это выглядит странным, тем более что еще Адам Смит пытался изложить экономическую теорию, используя методы естественнонаучного познания.

В этой книге мы повторим попытку Адама Смита, применив новые методы, не известные ему. Это позволит понять природу и причины проблем, которые препятствуют развитию экономики как России, так и всего мира.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Адам Смит и современная экономика	23
Осторожно: мейнстрим	23
Кому принадлежит «невидимая рука»?	28
Незаметная рука государства	34
Континент Билла Гейтса	42
Адам Смит за и против Microsoft	46
Методологическая ошибка Алана Гринспена	52
Природа и причины пузырей активов	62
Континент Алана Гринспена	70
Глава 2. Истинная индукция: версия Джеймса Стюарта Милля	82
Отличие индукции от обобщения из опыта	84
Истинная причина по Миллю	89
Свобода и своеволие, государство и монополия	91
Либерализм: версия Адама Смита и Джона Локка	101
Истинная причина богатства народов	106
Глава 3. Природа человека 1: версия Николая Семеновича Лескова и Артура Конан Дойля	110
Левша подковал блоху, после чего она не смогла танцевать	112

Алексей Леонидович Кудрин копил резервы вместо использования средств на развитие страны	115
Алан Гринспен избавил США от очередного экономического кризиса, вызвав еще более сильный кризис	119
Основа свободы: версия Джона Локка	124
Глава 4. Природа человека 2: версия Федора Михайловича Достоевского	127
Шесть типов личности по отношению к приобретению богатства	132
Эволюция Родиона Раскольникова 1: способ трансформации	143
Цивилизационная структура общества и шесть типов личности по социальной адекватности	147
Глава 5. Эволюция России: природа и причины ее национальных особенностей	151
А был ли социализм?	151
Конец ознакомительного фрагмента.	162

**Природа и причины
российских кризисов
Белый лебедь:
истинная правда
в экономической теории
Владимир Тарасов**

© Владимир Тарасов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Шотландский ученый Адам Смит в своей ранней работе «Эссе на философские темы», впечатленный достижениями естественных наук, попытался применить методы естественного познания в сфере нравственной философии. Эссе были написаны в 60-х годах 18 века, и при жизни ученого не публиковались, но они очень важны для понимания взглядов Адама Смита, так как там были заложены методологические основы его подхода к науке. В частности, в них он впервые использовал знаменитую метафору о «невидимой руке».

В предисловии к первому из эссе, названному им «История астрономии», Адам Смит написал, что приступает к рассмотрению природы и причин чувств. На этом он не остановился, приступив затем к такому же исследованию экономических явлений. И примерно через 20 лет Адам Смит написал о поиске природы и причин уже не в предисловии, а в заголовке своего самого известного научного труда, опубликованного в 1776 году: «Исследование о природе и причинах богатства народов».

С тех пор прошло много лет, и в настоящее время принято считать, что экономическая наука достигла высокого уровня развития, по крайней мере, судя по количеству работающих в этой сфере ученых, выпускаемых журналов, созданных научных институтов, проводимых семинаров и конфе-

ренций. Однако финансовый кризис, неожиданно для большинства ученых потрясший мировую экономику в 2008 году, заставил усомниться в этом. К тому же, чего скрывать, большинство кризисов и до этого, как правило, заставляли научную экономическую общественность врасплох. То есть, экономическая теория в настоящее время намного уступает естественным наукам по возможности предсказания явлений, следовательно, исследовательский проект Адам Смита, похоже, до сих пор не завершен.

Кроме того, в 2007 году, то есть еще до последнего кризиса, была опубликована книга известного американского финансиста Нассима Николаса Талеба «The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable», которая вышла в переводе на русский язык под названием: «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». В ней Нассим Николас Талеб написал, что развитие общества осуществляется не постепенно, а посредством непредсказуемых скачков, для обозначения которых он ввел термин «черный лебедь», быстро вошедший в моду. Это аномальное событие, наступления которого ничто в прошлом не предвещало, обладающее огромной силой воздействия, и объяснение для которого человек придумывает после того, как оно произошло.

В своей книге Нассим Николас Талеб критикует современных экономистов, экспертов и аналитиков, полагающихся на существующие экономические знания. Сам он охарактеризовал свою книгу следующим образом: «В данном слу-

чае мы с моими читателями смеемся над нынешним состоянием общественных наук. Надутые профессора не предвидят, что их концепции скоро будут радикально пересмотрены – стало быть, можно не сомневаться: их ждет большой сюрприз».

На мой взгляд, его критика в адрес современных общественных наук совершенно справедлива. Но если Нассим Николас Талеб особенно не пытался выяснить, какой сюрприз ожидает профессоров, утверждая, что надо научиться жить в условиях неопределенности, то я попробую ответить на этот вопрос.

Причина отмеченной Нассимом Талебом проблемы заключается в том, что современные общественные науки еще нельзя считать науками в такой же степени, как естественные, они еще находятся в процессе формирования. Это плохая новость. Но есть и хорошая: уже в скором времени современные экономические воззрения должны преобразоваться в научную теорию по типу естественных наук. В этой книге я попытаюсь объяснить, как отыскать научные знания, которые позволят превратить черных лебедей мировой экономики в белых, как сделать предсказуемым развитие экономики как в мировом масштабе, так и в отдельных странах.

То есть, сейчас мир находится на пороге весьма знаменательного события: в ближайшие годы завершится процесс формирования экономической теории как науки, начавшийся с исследований Адама Смита (у него были предшествен-

ники, но для удобства изложения я начну именно с его работ).

Какие именно недостатки свойственны современным экономическим воззрениям, в принципе, известно. Вот что, например, сказал по этому поводу американский экономист, профессор экономики и публичной политики в Гарвардском университете Кеннет Рогофф, в интервью газете *Handelsblatt* в январе 2012 года: «Большинство экономистов пытаются решить проблемы с помощью математических моделей, забывая при этом такие стратегически важные аспекты, как экономическая мощь и демократическая стабильность. Они убеждены, что для решения всех проблем им необходимо лишь все более качественное математическое знание и все более сложные модели. Но путь этот неправильный. Экономика не просто наука, а наука социальная. Для того чтобы находить действительно приемлемые решения, ей необходимо учитывать такие факторы, как политика и история».

В этой книге мы рассмотрим, какие факторы, причем не только политические и исторические, должна учитывать экономика, если она хочет претендовать на статус науки, и как это следует сделать.

Мы повторим путь Адама Смита, только с учетом исследований, проведенных после него. Он изучал астрономию, мы рассмотрим методы познания в современных естественных науках (этому посвящена вторая глава и парочка разделов из восьмой и девятой глав). Адам Смит изучал обычные

нравственные чувства человека, такие как симпатия, эгоизм, честолюбие, мы же рассмотрим другие характеристики природы человека, описанные, в основном, в 19—20-х веках (главы три, четыре и шесть). Адам Смит наблюдал процессы, происходящие в современной ему экономике, мы проанализируем события 19—21 веков (главы один и пять).

В своей работе я буду основываться на некоторых методах научного познания, которые изложены в опубликованной в 1843 году книге английского философа и экономиста Джеймса Стюарта Милля «A system of logic ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation». Она была опубликована в переводе на русский язык под названием «Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования».

В этой книге Джеймс Стюарт Милль пытался определить научный подход к экономике и получил очень важный, на мой взгляд, результат. А именно, он дал определение истинной индукции, а также термина «причина», который используется в научных исследованиях. Последнее очень важно, потому что значение этого термина в науке не совпадает с тем, которое используется в обыденной жизни.

Кроме того, я буду постоянно использовать, не акцентируя на этом внимание, представление об истинной правде, позаимствованное у датского писателя Ганса Христиана Ан-

дерсена, который ввел его в одной из своих сказок, опубликованной в 1852 году (не простым сказочником был Ганс Христиан). Оно настолько важно, что я даже вставил его в заголовок моей книги. Это понятие и соответствующий ему метод познания будут рассмотрены в восьмой главе. Суть подхода Андерсена проста: для правильного понимания происходящих событий следует опираться не на чьи-то суждения, а на историю появления этих суждений от момента проведения наблюдений до выводов. Этот метод применял и Нассим Николас Талеб в своей книге.

Используя указанные методы, удастся обнаружить просто удивительные вещи. В частности, выяснить, кому принадлежит знаменитая «невидимая рука», о которой написал Адам Смит в книге «Исследование о природе и причинах богатства народов». Эта рука не только знаменитая, но и загадочная. Вот что написал по ее поводу американский экономист, лауреат нобелевской премии Пол Самуэльсон в книге «Экономика», опубликованной в 1948 году: «Смит так никогда и не доказал правоту своих слов. Откровенно говоря, даже в наше время, когда автор этих строк был студентом-старшекурсником, никто толком не знал, как доказать (или хотя бы правильно изложить) самую суть доктрины Смита о «невидимой руке».

Сам Адам Смит не назвал, кому принадлежит эта рука. Обычно ее приписывают рынку, но это спорный момент, поэтому Пол Самуэльсон не написал в своей книге «невиди-

мая рука рынка». Осторожничал Пол Самуэльсон не зря. Если внимательно проанализировать рассуждения Адама Смита, связанные с невидимой рукой, то можно обнаружить, что к рынку они не имеют непосредственного отношения, а вот важную роль государства Адам Смит там отметил. Более того, если рассматривать капиталистическую экономику, причем не только времен Адама Смита, но и современную, то легко обнаружить, что если ею и управляет какая-то невидимая рука, то она явно принадлежит государству. Другой вопрос, кто управляет государством, но мы так далеко в эту тему углубляться не станем. Это будет сделано в первой главе.

Во второй, третьей и четвертой главах, воспользовавшись результатами исследования методов научного познания Джеймсом Стюартом Миллем, я попробую продолжить дело Адама Смита и найти истинные причины богатства народов, используя некоторые представления о причинах, заимствованные у Милля. Для этого придется обратиться к трудам уже не экономистов, а исследователей природы человека – писателей. Один из них, как мне кажется, достиг выдающегося результата, обнаружив именно те факторы, которые следовало бы учитывать экономистам. Это Федор Михайлович Достоевский.

За полтора столетия до нашего времени он критиковал экономистов практически за то же, что и Кеннет Рогофф сейчас. В книге «Преступление и наказание», опубликованной в 1866 году, мысли Достоевского по поводу ученых выра-

зил студент Разумихин следующим образом: «У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути»!

И далее: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести! Самое легкое разрешение задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное – думать не надо! Вся жизненная тайна на двух печатных листках умещается»!

Но Федор Михайлович Достоевский не только покритиковал экономистов, он в своих книгах исследовал природу (натуру – nature) человека и предложил свой вариант того, как можно разобраться в миллионе возможных вариантов развития общества. То есть, роман «Преступление и наказание» представляет собой не только детектив, но и исследование типов личности человека по их действиям в экономике.

Достоевский был не одинок, необходимые для развития экономических теорий факторы изучали и другие писатели, в частности, Николай Семенович Лесков в рассказе «Левша. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», опубликованном в 1883 году.

Знание характеристик природы человека, описанных двумя русскими писателями, позволит по-новому взглянуть на происходящие в мировой экономике события, что будет сделано на примере ряда событий в России (в пятой главе). При этом мы будем использовать представления о социализме Фридриха Энгельса, а также представления об истинном капитализме чикагских экономистов Луиджи Зингалеса и Рагхурама Раджана.

Но указанных характеристик окажется недостаточно для интерпретации многих исторических явлений, поэтому нам понадобится введение еще одной группы характеризующих природу человека показателей (по отношению к власти), описание которых мне не удалось найти в какой-либо одной книге, поэтому придется прибегнуть к представлениям из нескольких книг и кинофильмов. Этому посвящена шестая глава.

В обнаруженных характеристиках природы человека, нет ничего особенного. Это свойства людей по их отношению к естественным правам человека, таким как жизнь, свобода, собственность и т. д. Выделение этих свойств объясняется тем, что именно они в значительной степени определяют поведение человека в экономике. Представления о естественных правах человека и их роли в обществе я позаимствую из книги английского мыслителя Джона Локка «Два трактата о государственном правлении», изданной в 1690-м году.

Введение таких групп характеристик природы человека

позволит расширить подход Адама Смита, пытавшегося изложить наблюдения в гуманитарных науках в соответствии с методами естественных наук, одним из образцов которых в его время была астрономия. События в современной экономике можно будет рассмотреть с точки зрения другой естественной науки – генетики. Окажется, что подобно тому, как свойства человека определяются его геномом – набором определенных молекул (генов) в его клетках, свойства общества и его экономики определяются как раз характеристиками типов личностей по их отношению к естественным правам. Совокупность этих характеристик я назову цивилизационным геномом народов.

Такой подход и позволит сочетать природу человека с природой богатства, а также обнаружить некоторые законы, которым подчиняется мировая экономика. Мы найдем и опишем некоторые причины, которые приводят к богатству народов, продолжив тем самым работу Адама Смита. Это будет сделано в седьмой главе.

Написать во введении об этих законах и причинах, к сожалению, не представляется возможным, так как это требует использования ряда понятий, которые будут описаны в первых шести главах. Если бы моя книга была диссертацией, то в аннотации к ней я бы написал, что в работе проведено исследование влияние типов личностей, различающихся по их отношению к естественным правам человека, на развитие экономики. Можно также сказать, что я продолжаю ука-

занные выше работы Джона Локка, Адама Смита и Джеймса Стюарта Милля, с учетом проведенных за последние 150—200 лет исследований природы человека, причем не только учеными, но и писателями в художественной литературе. Чтобы подчеркнуть это, я взял для книги довольно сложное название, проводя параллели с исследованиями Адама Смита и Нассима Николаса Талеба.

В следующих трех главах (восьмой, девятой и десятой) я опишу, как может выглядеть экономическая наука и мировая экономика (в отдельных чертах) лет этак через 20. При этом придется совершить несколько экскурсов в историю (в первые годы существования США и в период Великой французской революции), а также припомнить исследования Александра Ивановича Герцена в отношении научной методологии и особенностей ее восприятия в России. Эти истории из прошлого помогут обнаружить целую стаю черных лебедей, еще только топчущихся у входа в мировую историю. Слова Нассима Николаса Талеба о том, что экономистов ждет большой сюрприз, полностью подтвердятся. Большой – это еще слабо сказано. Но чтобы не портить сюрприз, я не стану описывать содержание этих глав во введении.

В качестве объектов для наблюдений и предсказаний мы будем использовать экономики двух стран – России и США. Выбор фактического материала сделан не случайно, так как на самом деле первоначальной целью моей работы над этой

книгой, которую я начал писать около двадцати лет назад, была оценка эффективности вложений в акции американских и российских акционерных обществ. Для этого я попытался разобраться в том, как устроены и как работают экономики этих стран. Тогда я вовсе не хотел продолжать дело Адама Смита и вообще не подозревал об его исследовательском проекте, а если бы мне кто-то тогда сказал, что современная экономическая теория в значительной степени представляет собой некое верование, а не науку, я бы ему не поверил. Я просто хотел заработать на вложениях в акции. Но, как показывает опыт, планы не сбываются никогда, по крайней мере, в первоначальном виде. Почему и как это произошло в моем случае, я опишу в разделе «Идентификация автора».

В этой книге я не буду заниматься критикой господствующих сейчас экономических теорий, так как это уже сделано многими людьми, в частности, норвежским экономистом Эриком Стеенфелдом Райнертом в книге «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными», изданной, как и книга Нассима Николаса Талеба, в 2007 году.

Норвежец предлагает вообще избавиться от фантастической, по его мнению, идеи, что обогащением народов управляют законы природы, и ограничивается выяснением того, как и почему определенные экономические принципы в прошлом оказывались для обогащения народов плодотворными

и как можно использовать этот успешный опыт в будущем. Я попытаюсь показать, что идея о существовании законов природы в экономике является не такой уж и фантастической, более того, что эти законы, а не господствующие в настоящее время представления, не только не противоречит взглядам Эрика Райнерта, но во многом совпадают с ними.

То есть, проблема не в том, что научный подход, реализовать который в гуманитарной сфере знания пытался Адам Смит, неверен, а в том, что последовавшие за ним на словах экономисты на деле отказались от научного подхода. Идеи Адама Смита на деле были забыты, а экономическая теория в значительной степени превратилась не в науку, а в идеологию.

Чтобы обнаружить и описать этот процесс, придется немного напрячься и обратить повышенное внимание на правильное использование методов научного познания. Собственно, мы это уже делаем. Я не случайно привел ссылку на книгу Нассима Николаса Талеба в несколько странной форме, указав вначале ее название на английском «The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable», а затем упомянув название, под которым она была опубликована в переводе на русский язык – «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Дело в том, что перевод неточен, он искажает смысл заголовка. Правильный перевод выглядит так: «Черный лебедь. Потрясение высокой степени невероятности». Это, собственно, буквальный перевод с английского.

А перевод заголовка в вышедшей на русском языке книге искажает мысль автора. Нассим Николас Талеб в заголовке, собственно, дал определение вводимого им термина: черный лебедь – это потрясение высокой степени невероятности. Просто, понятно и содержательно. Переводчик или редактор не придал значения этой авторской мысли и написал красиво, но бессмысленно: «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости». Это заголовок можно понимать, как хочешь, представив, что черный лебедь что-то делает под каким-то знаком – летит, сидит, или спит, наконец.

Не повезло и Адаму Смиту. Его книга «The Wealth of Nations, The Nature and Causes of the Wealth of Nations» издана на русском языке под названием «Исследование о природе и причинах богатства народов», хотя буквальный перевод выглядит совсем по-другому: «Богатство народов, природа и причины богатства народов». Никакого исследования в авторском заголовке нет.

Та же самая картина наблюдается с переводом заголовка книги Джеймса Стюарта Милля «A system of logic ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the methods of scientific investigation». Обратите внимание, после слова inductive стоит запятая. А в переводе вместо запятой вдруг появляется двоеточие: «Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования». В черновике этой книги я описал,

к какому изменению смысла это привело, но в чистовой варианте убрал объяснение, так как оно уводит слишком далеко в дебри научной методологии.

Ситуация с переводами названий книг известных зарубежных экономистов на русский язык наглядно иллюстрирует те проблемы, с которыми приходится сталкиваться при понимании экономических теорий. Люди, читая чужие статьи и книги, видят не то, что там написано, а то, что хотят видеть. Перевод названий – это только частный случай этого явления.

Это принципиальный момент, поэтому я и пишу о нем во введении. На протяжении всей книги мы будем копаться в отдельных словах, предложениях и оттенках смысла слов. Чтобы подчеркнуть важность мелочей, иногда говорят, что дьявол кроется в деталях, иногда говорят, что в деталях скрыт Бог. А немецкому поэту Иоганну Вольфгангу фон Гете приписывают высказывание о том, что Бог в деталях, а дьявол – в крайностях. Но, кто бы ни прятался в деталях и крайностях экономических теорий, мы его там найдем.

Имеет значение не только сам факт искажения смысла заголовков, но и причины, по которой это делается. Я думаю, что почти наверняка могу объяснить, почему в переводе на русский язык произошло искажение смысла заголовков упомянутых выше книг, так как за 20 лет работы в экономической журналистике я написал несколько сотен статей на экономические темы и две книги, имел дело с несколькими

ми десятками редакторов, и немного их изучил. Указанные искажения смысла заголовков при переводе сделаны редакторами и переводчиками специально. Дело в том, что у них есть определенные принципы, следуя которым они считают допустимым изменять смысл отдельных фрагментов редактируемых ими текстов.

Например, заголовок «Черный лебедь. Потрясение высокой степени невероятности» почти наверняка не подошел редактору из-за слов «высокой степени невероятности». Слишком сложно, а редактора не любят сложности, что, впрочем, в большинстве случаев правильно. Другое дело – «под знаком неопределенности». Красиво звучит, не беда, что смысл не тот, что у автора.

Что касается книги Адама Смита, то тут поработал, похоже, стилист. Прочтите еще раз буквальный перевод заголовка его книги: «Богатство народов, природа и причины богатства народов». Здесь наблюдается повтор одних и тех же слов, что на большинство русскоязычных редакторов, по моим наблюдениям, действует как красная тряпка на быка. Повторов быть не должно – это принцип, которому редактора стараются следовать во всех случаях, независимо от того, надо это делать или нет, и иногда даже тогда, когда автор специально делает повтор для усиления впечатления.

Приведенные примеры касаются, конечно, мелочей, но подобное искажение смысла не только заголовков, а любых утверждений, является, по моим наблюдениям, общим

правилом для представителей гуманитарных профессий. Такая практика наносит, на мой взгляд, колоссальный вред экономическим исследованиям, поэтому я акцентирую на ней внимание.

Контроль за точным смыслом терминов, конечно, требует некоторого напряжения, а ведь как верно отметил Разумихин, кто ж хочет думать. Но иначе нельзя. Только так нам удастся найти одну единственную истинную теорию среди множества искажений и неточностей. Она позволит предсказывать потрясения в мировой экономике, то есть сделает черных лебедей белыми.

Но перед тем как заняться этим увлекательным делом, посмотрим, как сами современные экономисты объясняют некоторое несоответствие своих теорий наблюдаемых фактам. То есть, поговорим об одном модном в последние годы слове – «мейнстрим».

Глава 1. Адам Смит и современная экономика

Осторожно: мейнстрим

Близорукость большинства современных экономистов, не заметивших приближения кризиса 2008 года, бывший председатель Европейского Центробанка Жан-Клод Трише объяснил возникновением некоторого рода доминирующего направления мнений, которое он назвал мейнстримом. В интервью, размещенном 7 августа 2012 года на сайте РБКdaily, он отметил следующее: «Один из уроков, которые я из этого вынес: берегись моды! Время от времени между игроками рынка и независимыми экономистами создается своего рода консенсус мнений – мейнстрим, который может оказаться крайне опасным».

Итак, причина ошибок экономистов – возникновение консенсуса мнений (мейнстрима), в котором побеждает неправильное решение. Как же мейнстрим возникает? Ответить на этот вопрос позволяет анализ ошибки, сделанной уже после финансового кризиса известными экономистами Кеннетом Рогоффым и Кармен Рейнхарт. В специальном исследовании, проведенном в 2010 году, они проанализирова-

ли развитие экономики в 42-х странах за 200 лет и пришли к выводу, что при увеличении внешнего государственного долга свыше 90% от ВВП средние темпы роста ВВП резко падают.

Эта работа имела больше значение для мировой экономики, так как она стала обоснованием для осуществления мер бюджетной экономии в качестве борьбы с финансовым кризисом во многих странах Европы, в частности, в Греции, Испании и т. д.

Не все экономисты были согласны с этими выводами, но проверить расчеты таких уважаемых людей как Кеннет Рогофф и Кармен Рейнхарт просто никому не пришло в голову. Только спустя три года преподаватели Массачусетского университета Майкл Эш и Роберт Полин поручили своему студенту повторить расчеты. И вот тут обнаружилось, что там есть не только математические ошибки, но и необоснованные предпосылки. А правильно проведенные расчеты показывают, что зависимости между ростом ВВП и государственным долгом нет. То есть, не падают темпы роста ВВП, поэтому научных оснований для ограничения долга величиной в 90% нет.

Об этом стало известно в апреле 2013 года, после того как ученые из Массачусетского университета опубликовали работу «Действительно ли высокий долг системно снижает экономический рост: критика Райнхарт и Рогоффа»? Разразился скандал.

Но главное в этой истории, пожалуй, не сама ошибка и ее негативные для экономики Европы последствия, а то, что она была с энтузиазмом поддержана экономическим сообществом. В этом, как считает еще один известный экономист, нобелевский лауреат Пол Кругман, оказались виновны, в частности, политики.

В статье «Катастрофа неизбежна, если игнорировать базовую экономическую теорию», опубликованную 13 мая 2013 года на его странице на сайте российской «Независимой газеты», Пол Кругман заявил, что европейские чиновники «нашли известных экономистов (вроде Альберто Алезини, Кармен Рейнхарт и Кеннета Рогоффа), которые говорили им то, что они хотели слышать. Но было также много известных экономистов, которые трубили об ошибочности такой политики. Именно политики и Очень Серьезные Люди решали, кого они сочтут достойным, чтобы прислушаться. В результате мы получили вереницу нелепейших ошибок». Кто имеется в виду под Очень Серьезными Людьми, Пол Кругман не уточнил.

Тут возникает вопрос, почему ошибка была замечена только в 2013 году. Похоже, сформировалась потребность в противоположном мнении. Дело в том, что после прихода в МВФ нового руководителя – Кристин Лаггард – фонд изменил свое мнение в отношении необходимости бюджетной экономии. Кристин Лаггард придерживается точки зрения, что осуществленные после кризиса 2008 года в Европе

меры бюджетной экономии были чрезмерными, в 2013 году МВФ начал активную борьбу против подобной экономии, и, как по заказу, появляется статья об ошибках, сделанных в 2010 году.

То есть, похоже, опять политики решили, что он хотя бы услышать что-то другое и выбрали других авторитетных людей, которые говорят, то, что хотят услышать политики теперь. И если бы не перемена настроений в МВФ, мировое экономическое сообщество могло бы и не заметить исследование ученых из Массачусетса.

Таким образом, выбор того или иного мнения или теории в качестве истины в настоящее время, по крайней мере, иногда осуществляют не учетные, а политики, исходя, естественно из своих целей, не имеющих к науке никакого отношения.

Это заставляет задуматься о том, а нет ли в экономических теориях и других ошибок, которые пока еще не замечены, так как не привели к кризисам.

И такие ошибки, причем, в самих основах современной экономики, имеются. Причем не в каких-то второстепенных вопросах, а в самых что ни на есть основах. Речь, в частности, идет о, возможно, самом знаменитом образе экономической теории – «невидимой руке», представление о которой в экономику было введено Адамом Смитом. Он использовал его трижды – в «Эссе на философские темы», в «Теории нравственных чувств...» и в «Исследовании о природе

и причинах богатства народов». Кому принадлежит эта рука, Адам Смит указал только в эссе: древнегреческому богу Юпитеру. В двух других случаях ученый не указал, как принято считать, владельца руки, чем серьезно осложнил жизнь читателям. Некоторые его последователи решили, что это невидимая рука принадлежит рынку. Попробуем разобраться в этом.

Кому принадлежит «невидимая рука»?

Перед использованием указанной метафоры, Адам Смит в своей книге о богатстве написал, что каждый отдельный человек старается употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности, а также стремится вкладывать в производство, производящее наибольшую стоимость. Ученый не просто констатировал это, а указал две причины этих явлений, выделив их с помощью слов «во-первых» и «во-вторых».

Рассмотрим «во-первых». Причины, по которым человек предпочитает вкладывать средства внутри страны, Адам Смит объяснил на примере оптовых торговцев. Купец, как считает экономист, при условии одинаковой или почти одинаковой прибыли естественно, предпочитает торговлю внутри страны внешней торговле, так как при занятии внутренней торговлей его капитал никогда не уходит из рук на столь продолжительное время, как во внешней. Кроме того, купец может лучше узнавать характер и положение лиц, которым оказывает доверие, а если ему случится быть обманутым, он лучше знает законы страны, у которой должен искать помощи.

Перейдем к «во-вторых». Утверждение о том, что каждый человек старается вложить капитал так, чтобы получить про-

дукт наибольшей стоимости, Адам Смит обосновал тем, что каждый человек стремится получить наибольшую прибыль (это у Адама Смита постулат, то есть утверждение принимаемое, как очевидная истина), а чем больше прибыль, тем выше стоимость продукта. Адам Смит описал это следующим образом: «в зависимости от того, насколько значительна или незначительна стоимость этого продукта, будет и прибыль предпринимателя». Возможно, во времена Адама Смита, так и было, но в настоящее время любой экономист скажет, что последнее утверждение неверно, размер прибыли вовсе не связан напрямую со стоимостью производимой продукции. Впрочем, это уточнение в данном случае не важно.

Обосновав, таким образом, два указанных выше утверждения, Адам Смит делает вывод: «но годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее, именно и представляет собой эту меновую стоимость. И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей».

Но этого вывода Адама Смита показалось мало, и он по-

вторяет его немного в другой форме, упомянув невидимую руку: «Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения».

Вот так и появляется невидимая рука. В таком последовательном изложении рассуждений Адама Смита кажется понятным, что он имел в виду. Стремление человека к собственной выгоде приводит к обогащению всего общества потому, что купцы боятся быть обманутыми в других странах и надеются на защиту государства в своей стране. Купцы вкладывают средства в производство товаров с наибольшей стоимостью, так как те приносят наибольшую прибыль, а годовой доход общества складывается из доходов отдельных лиц, поэтому в полном соответствии с законами арифметики стремление к личному обогащению приводит к росту богатства общества.

Кроме этого, в рассуждениях Адама Смита есть еще несколько постулатов (типа стремления человека получить наибольшую прибыль), наличие которых необходимо для работы этого механизма формирования богатства.

Вот и все. Никакого рынка здесь нет и в помине. Но зато, обратите внимание, есть ссылка на законы страны и упоминание о помощи, которую купец может получить у государства. То есть у Адама Смита написано прямо противоположное тому, что обычно ему приписывается. Эгоизм человека направляется к всеобщему благу благодаря не рынку, а страху потери прибыли, государству и арифметике. Есть, правда, и другие причины, которые также были указаны шотландским ученым, хотя и в неявном виде, но мы их рассмотрим позже (в седьмой главе), после того, как изучим природу человека.

Как же возникло мнение о том, что Адам Смит в высказывании о «невидимой руке» имел в виду рынок? Понять механизм возникновения такой интерпретации слов экономиста можно на примере статьи о «невидимой руке», размещенной в Википедии.

Там написано, что «невидимая рука рынка» (англ. *invisible hand of the market*) – популярная метафора, впервые использованная Адамом Смитом в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов». После этого в Википедии идет отрывок из книги, который был приведен выше и где есть невидимая рука, но нет никакого рынка.

Затем в размещенной в Википедии статье следуют никак не вытекающие из приведенного отрывка из книги Адама Смита следующие рассуждения автора статьи: «каждый производитель преследует собственную выгоду, но путь к ней

лежит через удовлетворение чьей-либо потребности. Совокупность производителей, как будто движимая „невидимой рукой“, активно, эффективно и добровольно реализует интересы всего общества». Отметим, что Адам Смит в разделе о «невидимой руке» ничего не писал о чьих-либо потребностях.

Тем не менее, автор статьи в Википедии, как фокусник вытащивший откуда-то «потребности», делает вывод: «фактически, А. Смит „невидимой рукой“ называет объективный рыночный механизм, который координирует решения покупателей и продавцов», не подтверждая его ссылкой на рассуждения самого шотландского экономиста.

То есть появление «рынка» – это чистый плод воображения автора статьи. А сам Адам Смит, повторим, писал только о стремлении человека к максимальному доходу в каждом производстве, о стремлении вкладывать средства в своей стране в надежде на защиту государства, и арифметическом сложении доходов общества из доходов отдельных производств.

Итак, пример из Википедии показывает, что возникновение представления о невидимой руке рынка основано на вольных интерпретациях мысли Адама Смита. Люди, считающиеся себя последователями Адама Смита, приписали ему то, что он не говорил.

Впрочем, это не секрет. Пол Самуэльсон в книге «Экономика» (Глава 40. Ветер перемен: эволюция экономических

доктрин) написал по этому поводу следующее: «нарождающемуся классу буржуазии необходим был глашатай ее интересов. Смит снабдил ее идеологией, которая служила целям этого класса. И, что было не менее важно, его концепция свободной конкуренции тешила ее самолюбие и отвечала моральным устремлениям».

То есть, люди взяли теорию свободной конкуренции и к ней приделали метафору о невидимой руке. Для чего? А красиво ведь, и придает видимость обоснования их желаний. Ничего это вам не напоминает? Вспомните переводы названий книг на русский язык, приведенные во введении к этой книге, а также ситуацию с исследованием Кеннета Рогоффа и Кармен Рейнхарт.

В случае с невидимой рукой проявилась та же особенность человеческого мышления, правда, в несколько другом масштабе. Люди легко искажают смысл чужих высказываний ради каких-то своих принципов.

Но тогда возникает вопрос, что же на самом деле представляет собой «невидимая рука»? Чтобы ответить на него, отвлечемся на время от теории, и займемся наблюдениями. Рассмотрим конкретный пример – историю возникновения капитала самого богатого, по крайней мере, на момент написания мною этих слов, человека планеты – американца Билла Гейтса.

Незаметная рука государства

При описании достижений этого человека обычно используются два подхода. В одном Билл Гейтс представляется гениальным трудоголиком, сколотившим за счет знания программирования и трудолюбия миллиардное состояние, во втором – расчетливым дельцом, занимающемся недобросовестной конкуренцией, и навязывающим потребителям ненужные им товары. Однако если присмотреться к истории Билла Гейтса, то легко обнаружить, что оба подхода не совсем соответствуют этой истории, на самом деле стать фантастически богатым он смог благодаря совсем другим обстоятельствам.

Вначале посмотрим на факты. И поклонники и критики Билла Гейтса сходятся на том, что он родился 25 октября 1955 года. На этом их единодушие, пожалуй, заканчивается. Поклонники сообщают, что отцом будущего компьютерного гения был адвокат, а мать была школьной учительницей. Противники уточняют, что его прадед был членом парламента штата и мэром Сиэтла, дед по материнской линии – вице-президент Национального банка США, а отец – Уильям Генри Гейтс II вообще-то был не просто адвокатом, а очень известным и богатым адвокатом. А мать – учительница умудрилась стать членом совета директоров целого ряда крупных корпораций, в том числе председателем испол-

нительного комитета в United Way International, и работала там вместе с влиятельными руководителями крупнейшего производителей компьютеров – IBM – Джоном Опелем и Джоном Эйкерсом.

Как бы то ни было, в 1976 году два начинающих бизнесмена Билл Гейтс и Пол Аллен основали компанию Microsoft. При этом они преследовали вполне определенную и конкретную цель: продажу фирмам – производителям компьютеров адаптированную для первых микрокомпьютеров версию языка программирования Basic. Этот язык был созданного еще в 1964 году двумя профессорами из Dartmouth College – Джоном Кенеми и Томасом Куртцом.

Поклонники Билла Гейтса сообщают, что он вместе с Полом Алленом разработали революционную на тот момент версию этого языка для первых микрокомпьютеров «Альтаир», производимых компанией MITS. Критики отмечают, что разработал интерпретатор этого языка для Альтаира, вообще-то, Пол Аллен, а Билл Гейтс усовершенствовал уже готовый продукт. Но это не так важно, имеет значение то, что с этим языком связан первый в истории Билла Гейтса и компании Microsoft скандал.

Дело в том, что, по крайней мере, совершенствованием этой программы Пол Аллен и Билл Гейтс занимались, как пишут критики Билла Гейтса, работая в штате компании MITS. Его сторонники в данном случае предпочитают писать, что Пол Аллен и Билл Гейтс работали на компанию

MITS, не упоминая, как именно была оформлена их работа. Как бы то ни было, руководство компании полагало, что версия языка принадлежит ей, а молодые программисты придерживались противоположной точки зрения. Они захотели сами продавать свою разработку другим компьютерным фирмам. И им это удалось, но вначале пришлось пройти через суд, на котором рассматривался вопрос о принадлежности авторских прав на программный продукт.

Процесс завершился в пользу Microsoft. Критики Билла Гейтса при этом отмечают, что его папа дал ряд хороших юридических советов и нашел подходящего адвоката, который смог решить проблемы быстро (суд вполне мог затянуться на несколько лет), в результате чего уже через полгода после начала процесса был назначен арбитр, который и принял решение в пользу Microsoft. Права на продажу интерпретатора Basic были предоставлены Microsoft, а MITS оставил только право на использование этой версии языка.

Впрочем, продажи версии Бейсика не принесли Microsoft особого богатства. Более существенной, как считают критики Билла Гейтса, оказалась помощь не его папы, а мамы. И здесь не обошлось без крупной компании, производителя компьютеров. На этот раз поддержку Microsoft оказала IBM. В 1980 году в этой компании решили заказать разработку операционной системы для своих персональных компьютеров у компании Digital Research. Но Microsoft сумела перехватить заказ. Поклонники Билла Гейтса в этом случае упо-

минают о его деловой хватке, позволившей ему обойти конкурентов, предложив IBM более выгодные условия, а критики напоминают о знакомстве матери Билла Гейтса с руководством IBM.

Как бы то ни было, контракт Microsoft получила. Но времени на разработку операционной системы у компании не было, поэтому Microsoft выкупила за 50 тыс. долларов все права на операционную систему, разработанную компанией Seattle Computer Products, и адаптировало ее для персональных компьютеров IBM. Так появилась операционная система MS-DOS.

При этом, что очень важно, Microsoft свои авторские права на операционную систему компании IBM не продала, сохранив их за собой. Билл Гейтс с Полом Алленом получили право продавать операционную систему и другим компьютерным компаниям, более того, IBM согласилась выплатить им не фиксированное вознаграждение, а платить за каждый проданный компьютер с их программой.

Руководители IBM почему-то пошли на это, хотя они были заказчиком операционной системы, то есть их ничто не обязывало так поступать. Поклонники Билла Гейтса в данном случае говорят о фатальной ошибке менеджеров компьютерного гиганта, а критики снова вспоминают о маме со связями и папе – юристе.

Как бы то ни было, невыгодный для IBM контракт не поспорил ее с Microsoft, и MS-DOS использовалась на компью-

терах IBM еще долго, принося Биллу Гейтсу все больше денег.

Но настоящая слава и деньги пришли к Microsoft после того, как в 1985 году в ней была разработана операционная система Windows. Но и тут не обошлось без скандалов.

На этот раз претензии к Microsoft предъявила компания Apple, в которой отметили удивительное сходство графического интерфейса Windows с интерфейсами операционных систем Lisa и Macintosh. Но и из этого процесса Билл Гейтс вышел победителем, хотя сходство, как оказалось, действительно не было случайным. Выяснилось, что Microsoft когда-то там заключило с Apple лицензионное соглашение, предоставляющее право использовать отдельные элементы графических интерфейсов продуктов Apple в Windows.

В 90-х годах на Microsoft обрушился вал обвинений в недобросовестной конкуренции. В частности, компания Digital Research, чья система DR-DOS конкурировала с MS-DOS, обвинила Microsoft в том, что в некоторых версиях Windows при обнаружении в компьютере системы DR-DOS производился сбой программы, что создавал впечатление о нестабильности DR-DOS. По этому вопросу был подан иск к Microsoft, но до суда дело не дошло, так как она заплатила 150 млн. USD, тем самым признав себя виновной.

Затем Microsoft была обвинена в монополизме уже Минюстом и рядом штатов США, и окружной судья округа Колумбия Томас Пенфилд Джексон в 2000-м году в деле «Со-

единенные Штаты против Microsoft» вынес приговор: виновна. Суд признал нарушение антимонопольного законодательства США со стороны компании (по трем пунктам) и постановил разделить Microsoft на две части. Однако апелляционный суд округа Колумбия в 2001 году отменил этот приговор, хотя судьи и признали частичное нарушение антимонопольного законодательства.

Разворот судебной системы США на 180% за один год противники Билла Гейтса объясняют просто: в начале 2001 года новым президентом США стал Джордж Уокер Буш, республиканец, а республиканская партия традиционно более лояльно относится к крупному бизнесу и монополизму, чем демократы.

Число таких примеров из истории компании может быть продолжено, кажется, до бесконечности, но в этом нет необходимости, так как и уже перечисленные примеры показывают, кто и что сделали Билла Гейтса самым богатым человеком планеты.

Во все описанных выше историях, кроме Билла Гейтса, его партнеров, конкурентов и родственников, всегда присутствует еще одна сторона – американские адвокаты и законы. Причем их действия были решающими для успеха Microsoft. Это ничего вам не напоминает? – Вспомните рассуждения Адама Смита о том, что купцы рассчитывают на защиту законов в своих странах.

Действительно, если бы арбитр в 1997 году принял реше-

ние о правах на версию языка Basic не в пользу Microsoft, то компания не смогла бы продавать этот продукт другим производителям компьютеров. И не отмени апелляционный суд округа Колумбия решение о разделе компании, Microsoft пришлось бы разделиться на две компании. А если бы юристы компании IBM больше заботились об интересах своей компании, то Microsoft не смогла заработать много денег на продаже MS-DOS. И быть бы Биллу Гейтсу сейчас, в лучшем случае, начальником отдела программного обеспечения компании IBM, каким бы он не был гениальным программистом, бизнесменом или сукиным сыном (так его называют иногда даже его поклонники).

Таким образом, сверхбогатым человеком Билла Гейтса сделали, повторим, в основном, американские адвокаты и американские законы. Все это можно назвать незаметной рукой государства, так как на них никто не обращает внимания, не замечает. Важно, что эти законы и судебная система созданы не его родителями и не им самим, а правительством, президентом и всей государственной машиной США.

Ситуацию с Биллом Гейтсом можно сравнить с рекордными полетами, совершенными Валерием Чкаловым в тридцатых годах прошлого века. Наверное, многие люди знают, что именно он совершил первый беспосадочный перелет из СССР в США через Ледовитый океан. А кто помнит, на каком самолете он летал и где тот был сделан? А это был АНТ-25, разработанный конструкторской бригадой Павла

Сухого, под общим руководством Андрея Туполева. То же самое и с Microsoft. Билл Гейтс довел свою компанию до финансовых вершин, но создана она была благодаря американским законодательству и юристам, имена которых с успехом Microsoft никак не связываются. Поэтому рука государства и является незаметной.

Континент Билла Гейтса

Впрочем, нельзя сказать, что сам Билл Гейтс не предпринимал значительных усилий по созданию своего капитала. Предпринимал, да еще какие. И это были не только действия по разработке программ и подавлению конкурентов. Он сделал гораздо больше: фактически открыл для мира целую сферу экономики. Целый континент, подобно тому, как когда-то Христофор Колумб открыл Америку, обеспечив работой и богатством многих людей.

Произошло это так. В те времена, когда Microsoft начинал работу на рынке, в среде программистов не было принято платить за программы, платили за железо – компьютеры. Что не позволяло Microsoft зарабатывать деньги, так как ее продукты люди не покупали, а брали бесплатно. Это возмутило Билла Гейтса, причем настолько, что он даже написал «Открытое письмо к любителям», которое было опубликовано 3 февраля 1976 года.

В своем письме Билл Гейтс выражал свое возмущение пиратским копированием программ, в частности, тем, что из всех владельцев компьютеров Altair купили разработанную его компанией программу BASIC менее 10%. Остальные скопировали программу бесплатно. Билл Гейтс назвал это воровством.

Он отметил, что программное обеспечение считается ни-

чейным и задал вопрос: «кто озаботился тем, чтобы люди, которые работали над программным обеспечением, получали плату»? При этом в письме он беспокоился не о своем личном доходе. Требование платы за программы он обосновывал тем, что это позволит ему нанять новых программистов и дать им работу, улучшив программы.

Любители компьютеров проигнорировали призыв Билла Гейтса. А вот правительство США, похоже, услышало. В 1980-м году, то есть через 4 года после письма Билла Гейтса, компьютерные программы стали охраняемыми объектами авторского права, то есть появилась возможность защищать их копирайтом. А в 1982 году были введены наказания за нарушение авторских прав в виде крупных штрафов и тюремного заключения. Именно эти решения, я, думаю, а не письмо Билла Гейтса, обеспечили бум продаж на рынке программного обеспечения. И приняло их государство, хотя, я не удивлюсь, если когда-нибудь выяснится, что Билл Гейтс и его семья поспособствовала указанным изменениям американского законодательства.

Я не знаю, имели ли место такие действия и насколько они были эффективными. Но судя по всей логике развития событий, Билл Гейтс или его семейство должен был приложить к этому руку. Так, что если бы какой-либо букмекер принимал ставки по поводу их участия в изменениях законодательства, я бы рискнул поставить за это.

Тем не менее, и тут богатство Биллу Гейтсу обеспечило

государство, а не его личные усилия, хотя они и имели место. Правда, Билл Гейтс внедрил еще целую систему выкачивания денег из покупателей.

Его стратегия состояла в том, чтобы выпускать на рынок все новые и новые программные продукты, часто даже в недоработанном виде (кто пользовался разными версиями Windows, тот понимает, о чем я говорю), безжалостно устраняя при этом конкурентов. При этом новые программы через некоторое время оказывались почему-то несовместимыми со старыми. В результате чего пользователи должны были постоянно покупать новые и новые программы, даже если им для работы это не требовалось. Это все равно как бы, допустим, в обувной промышленности научились выпускать туфли, которые автоматически разваливались бы после первого года с момента выпуска, независимо от того, сколько раз их надевали.

Эта система в программировании работает безотказно до сих пор, обеспечивая постоянный спрос на программы. Она явно недружественная к потребителям, но к ней все привыкли, и, пожалуй, в некоторой степени именно ей сфера программирования обязана своим многолетним процветанием. Правительство США закрывает глаза на некоторое нарушение антимонопольного законодательства и прав потребителей, так как такая система выгодна и государству, ведь растут налоги, занятость и пр. А что бы можно было взять с программистов, если бы они до сих пор обменива-

лись программами бесплатно? Да и сами программисты сейчас были бы намного беднее, а число их было бы поменьше.

То есть Билл Гейтс совместно с правительством США создали новый рынок, говоря образно, открыли новый континент, освоение которого принесло богатство и Биллу Гейтсу и государству, и множеству других людей. В письме Билла Гейтса очень важным является его замечание о том, что плата за программы позволяет нанимать новых программистов и делать новые программы. Это и есть открытие нового континента, где могут находить работу все новые и новые люди, осваивая новые виртуальные земли. Это и есть, я думаю, истинное достижение Билла Гейтса.

Подведем итог рассуждений: на вершину пирамиды самых богатых людей планеты Билла Гейтса вытолкнули не трудолюбие, талант или везение, а незаметная рука правительства США. Покупать программное обеспечение Билла Гейтса людей заставляет не его трогательное письмо любителям, хотя оно довольно убедительное, а вся гарантированная государством мощь закона. Правительство, разумеется, не подарило Биллу Гейтсу миллиарды, и его личная заслуга в этом несомненна, но оно создало условия, которые позволили ему стать миллиардером.

Адам Смит за и против Microsoft

Итак, в истории обогащения Билла Гейтса мы обнаружили государство, а вместо свободного рынка, напротив, его противоположность – монополизм Microsoft. Но не только это удивительно. Компания Microsoft появилась примерно через 200 лет после публикации книги Адама Смита о богатстве народов, однако особенности деятельности компьютерного гиганта там описаны. Адам Смит написал, что монополия или привилегия отдельных компаний дает им возможность за счет снижения конкуренции поддерживать рыночную цену товара на уровне выше естественной рыночной цены, что позволяет обеспечивать выше естественной нормы заработную плату и прибыль на капитал. Один в один про Microsoft.

Я приведу большой отрывок из книги о богатстве народов, так как он точно описывает ситуацию с этой компанией: «Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и умышленно не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы – состоят ли они в заработной плате или прибыли – значительно выше их естественной нормы. Монопольная цена во всех случаях является высшей

ценой, какая только может быть получена. Естественная цена, или цена свободной конкуренции, напротив, представляет собою самую низкую цену, на которую можно согласиться, конечно, если речь идет не об отдельном случае, а о продолжительном времени. Первая во всех случаях является высшей ценой, какую только можно вытянуть у покупателей или какую, как предполагается, они согласны дать; вторая представляет собою низшую цену, какую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела.

Такую же тенденцию, хотя и в меньшей степени, имеют исключительные привилегии корпораций, законы об ученичестве и все те законы, которые в отдельных отраслях производства сокращают число конкурентов по сравнению с тем, каким оно было бы при других условиях. Они являются своего рода расширенными монополиями и часто могут в течение целых столетий в целом ряде отраслей производства держать рыночную цену отдельных товаров выше естественной цены и удерживать как заработную плату за труд, так и прибыль на капитал, применяемый в этих производствах, на уровне, несколько превышающем их естественную норму.

Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу правительственные постановления, вызывающие их».

Таким образом, Адам Смит описал не только действия Билла Гейтса, но указал причину ее существования – правительственные постановления, то есть незаметную руку го-

сударства. В случае с Microsoft – это законы об авторском праве, которые защищают рынок программного обеспечения от бесплатного распространения программ. Эти законы установлены правительством США, а не Биллом Гейтсом или рынком. Правда, в США есть и законы, поддерживающие конкуренцию, но Microsoft удается их обходить, с переменным успехом. Хотя некоторые судебные дела она проигрывает, но конкуренцию отчасти подавляет.

Адам Смит отрицательно относился к монополиям, полагая, что они наносят ущерб богатству народов, так как повышают норму прибыли для себя, но не дают, по его мнению, сумме прибыли вырасти так высоко, как это было бы без монополии. Он пояснил эту мысль следующим образом: «Все первоначальные источники дохода: заработная плата, земельная рента и прибыль на капитал благодаря монополии становятся гораздо менее обильными, чем это было бы при ее отсутствии. Одностороннее содействие ограниченным интересам одного немногочисленного класса в стране означает собою причинение ущерба интересам других классов и всех людей во всех других странах. Только в силу производимого ею повышения обычной нормы прибыли монополия оказалась или могла оказаться выгодной какому-либо отдельному классу».

Впрочем, Адам Смит не был фанатичным противником монополий и не возводил свою нелюбовь к ним в принцип, он допускал существование монополизма в некоторых усло-

виях. В частности, при освоении новых территорий: «Когда компания купцов предпринимает на свой риск и за свой счет организацию новой торговли с каким-либо отдаленным и варварским народом, может быть, целесообразно соединить их в акционерную компанию и в случае успеха предоставить им монополию этой торговли в течение некоторого количества лет. Это – самый легкий и самый естественный способ, каким государство может вознаградить их за риск опасного и дорогостоящего опыта, из которого впоследствии общество извлечет пользу. Такого рода временная монополия может быть оправдана теми же соображениями, в силу которых монополия новой машины дается ее изобретателю или новой книги – автору.

Но по истечении срока монополии, конечно, должна быть уничтожена; укрепления и гарнизоны, если было найдено необходимым завести их, должны быть переданы правительству, их стоимость должна быть уплачена компании, а торговля открыта для всех подданных государства».

Данные рассуждения также полностью применимы к компании Microsoft. Поддержка монополии этой компании со стороны государства привела к созданию новой отрасли экономики, что сделало богаче как людей, работающих в ней, так и все государство. В качестве варварского народа в данном случае выступили любители, которых пытался увещевать Билл Гейтс в своем письме.

Но стоит обратить внимание на слова Адама Смита о том,

что монополия должна быть со временем уничтожена государством. То есть, Адам Смит не рассчитывал на то, что какой-то свободный рынок сам уничтожит монополию. Он написал, что торговля должна быть открыта для всех подданных государства, что означает принятие законов, гарантирующих эту открытость. Типа того антимонопольного законодательства, которое существует, например, в США, и которое многие компании пытаются использовать против Microsoft, причем, иногда успешно. Пришло ли время ликвидировать еще сохранившийся отчасти монополизм Microsoft, я не знаю, этот вопрос требует серьезного изучения.

Кроме того, у монополии есть еще один недостаток, также отмеченный Адамом Смитом: «Но помимо всех уже отмеченных вредных последствий для страны вообще, являющихся неизбежным результатом высокой нормы прибыли, существует еще одно, более губительное, пожалуй, чем все они, взятые вместе, и, как можно судить по опыту, неразрывно связанное с монополией. Высокая норма прибыли, как кажется, повсюду уничтожает ту бережливость, которая при других условиях естественна для купца. Когда прибыли высоки, эта трезвая добродетель представляется купцу излишней, расточительная роскошь кажется более соответствующей улучшению его положения».

Ничего это не напоминает? Билла Гейтса в расточительности никто не упрекает. Но вот как расценивать создание

им в 1994 году благотворительного фонда Bill & Melinda Gates Foundation с капиталом в десятки миллиардов долларов. Конечно, декларируемые цели фонда – самые благородные, борьба с неравенством в мире, с болезнями в развивающихся странах и т. д. Но с точки зрения экономики вывод капитала из бизнеса в целях трат на роскошь и в благотворительных целях – это одно и то же. Куда идут деньги не важно, если это не развитие бизнеса.

Поэтому совместный проект Билла Гейтса и другого американского миллиардера Уоррена Баффета – Giving Pledge, в рамках которого они предложили в 2010 году самым богатым жителям США передать половину их средств на благотворительность, это признак не только безусловной высокой нравственности некоторых миллиардеров, но и неэффективности современного американского капитализма.

Подведем краткие итоги из вышесказанного. Я не случайно привел так много цитат из книги о богатстве народов Адама Смита. Это нужно для того, чтобы прояснить истинную позицию ученого в отношении роли государства в экономике, так как она прямо противоречит позиции некоторых современных экономистов, которые считают себя последователями Адама Смита. Государство, согласно его взглядам, вовсе не устраняется от контроля за рынком, более того, именно оно устанавливает и гарантирует свободу конкуренции, устраняя монополии и допуская их существование лишь в некоторых случаях.

Методологическая ошибка Алана Гринспена

Но в настоящее время государство в ряде случаев отказывается от выполнения таких функций. К чему это приводит, наглядно показывает мировой финансовый кризис 2008 года.

Принято считать, что его причинами стали несколько ошибок, сделанных Федеральной Резервной Системой США – центральным банком этой страны. В начале двухтысячных годов тогдашний глава ФРС Алан Гринспен недооценил риски в системе ипотечного кредитования и не повысил ставки ФРС, когда это надо было сделать. Это привело к ипотечному буму и возникновению пузыря на рынке недвижимости. А в 2008 году руководители финансовых ведомств США уже без Алана Гринспена сделали ошибку, не поддержав в критический момент инвестиционный банк Lehman Brothers. В результате 15 сентября 2008 года банк объявил о банкротстве, после чего в мировой банковской системе возник кризис доверия, что привело к резкому сокращению объемов кредитования, из-за чего некоторые банки и предприятия, сидевшие по уши в долгах, не смогли перекредитоваться, как это они обычно делали, и стали банкротами.

Но у кризиса есть еще одна причина, которая является,

пожалуй, основной. Она носит системный характер и состоит в том, что современный финансовый рынок США и всего мира в значительной степени является монопольным, бесконтрольным и непрозрачным. Это утверждение, на первый взгляд, может показаться странным, так как достаточно зайти на любой финансовый сайт, чтобы обнаружить море новостей и аналитики по всем текущим финансовым событиям. Но дело в том, что это не та информация, которая необходима для понимания ситуации.

Связано это с существованием рынка производных финансовых инструментов (деривативов), то есть опционов, фьючерсов, свопов и т. д., с помощью которых банки страхуют всевозможные риски (изменения курсов валют, стоимости сырьевых товаров, невозврата кредитов и т. п.). Этот рынок, в первую очередь, внебиржевой, получил бурное развитие в 90-х годах прошлого века, чему активно способствовал Алан Гринспен, возглавивший ФРС в 1987 году.

Его статьи я начал читать с 1995 года, пытаясь разобраться в том, что происходит в мировой экономике. В те годы Алан Гринспен считался экономистом №1 во всем мире. Правда, понять, о чем он пишет, было непросто, уж больно туманными иногда были комментарии финансового гуру. Сам про себя он, то ли в шутку, то ли всерьез сказал: «Если вам кажется, что я выразился ясно, значит, вы меня неправильно поняли».

Меня тогда поразил шарж на Алана Гринспена, разме-

щенный, кажется, в The Wall Street Journal или в Financial Times, где-то в 1995 году (к сожалению, точно уже не помню). На нем был изображен глава ФРС, который клал на одну из чаш весов гирьки, тогда как на другой чаше лежали несколько бумажных долларовых купюр. Эти бумажки перевешивали целую груду гирек, поэтому у Алана Гринспена на этом рисунке было крайне удивленное лицо, как обычно бывает у человека, который не понимает, что происходит. Этот рисунок меня тогда немного удивил, так как представить, что финансовый гуру может чего-то не знать, мне тогда было трудно.

Некоторое время я считал, что Алан Гринспен специально говорит туманно, чтобы не давать возможность спекулянтам предвидеть действия ФРС. Но постепенно у меня начало формироваться убеждение в том, что он на самом деле не понимает, о чем говорит, но не хочет в этом признаваться. Более того, в 2002 году стало ясно, что он не только не понимает, но и не хочет понимать, что происходит в экономике.

Ясность внес доклад самого Алана Гринспена «Экономическая перспектива», прочитанный им 13 ноября 2002 года в Объединенном экономическом комитете Конгресса США. В этом докладе он много рассуждал о состоянии и перспективах экономики США, но в заключении отметил следующее: «Однако история предоставляет несколько предостерегающих сигналов, касающихся времени, в течение которого рост производительности труда оставался высоким. Подъ-

ем производительности годами оставался довольно быстрым после инноваций, которые были следствием всплеска в изобретательстве век назад. Однако в других эпизодах период повышенного роста производительности был короче. К сожалению, примеров слишком мало для обобщения. Следовательно, у политиков нет альтернативы продолжению внимательного наблюдения за эволюцией производительности в течение текущего периода значительных инноваций».

Последнее утверждение меня удивило, так как альтернатива-то была, ведь кроме наблюдения и обобщения существует множество методов научного исследования, и если примеров слишком мало для обобщения, можно их проанализировать и найти причины изменений производительности. Это азбука научных исследований, которую, как оказалось, Алан Гринспен не знает.

Для прояснения ситуации можно привести следующую аналогию. Представьте, что вы приехали в автосервис, чтобы поменять колесо на своей машине, мастер подходит к нему с отверткой, долго в нем ковыряется, а потом говорит, что с ремонтом ничего не выйдет, потому что отверткой колесо не откручивается. Подобным образом поступил Алан Гринспен. Ему ничто не мешало разобраться в ситуации, используя не обобщение, а другие методы научных исследований, или, по крайней мере, попробовать это сделать. Он мог, в частности, нанять группу экономистов за счет ФРС, да и личное состояние у него на тот момент составляло несколь-

ко миллионов долларов, мог бы найти деньги на оплату работы экономистов, раз уж сам не может разобраться.

Но ничего подобного Алан Гринспен не сделал, а так как человек он был не глупый, более того, наверняка знал о существовании уже упоминавшегося мною классического труда Джеймса Стюарта Милля о научных методах, это означало одно: осознанно или неосознанно он не хотел разбираться в том, что происходит с производительностью труда. Все просто: кто хочет решить задачу, тот действует, а кто не хочет ее решить, говорит о проблемах.

Примерно такая же ситуация повторилась в 2008 году, когда Алан Гринспен, который к тому времени уже оставил пост главы ФРС, опять говорил о сложностях с пониманием экономических процессов. 23 октября 2008 года он предстал перед комиссией Палаты представителей Конгресса США по контролю и правительственной реформе, которая хотела узнать его мнение о причинах кризиса.

На заседании комиссии член демократической партии Генри Ваксман отметил, что Гринспен отвергал попытки ввести регулирование сложных финансовых продуктов и считал, что государственное регулирование это плохо, после чего спросил экс главу ФРС, не обнаружил ли тот, что его картина мира, его идеология является неправильной и не работает.

На этот вопрос Алан Гринспен ответил, как обычно, туманно. Вначале он сказал «это совершенно точно». А потом

добавил – нет, это совершенно точно причина, по которой он был шокирован, потому что на протяжении 40 или более лет имел дело с событиями, когда она работала исключительно хорошо (Henry Waxman: In other words, you found that your view of the world, your ideology, was not right, it was not working? Alan Greenspan: That is – precisely. No, that's precisely the reason I was shocked, because I had been going for 40 years or more with very considerable evidence that it was working exceptionally well).

При этом Алан Гринспен согласился с тем, что у него есть идеология. А то, что, будучи главой ФРС, он не смог предсказать кризис, Алан Гринспен объяснил тем, что мы имеем дело с экстраординарно сложной глобальной экономикой, которая очень сложна для предсказаний.

В связи с этим американский журналист Джон Кэссиди вспомнил немного истории. Он сказал, что во время спекулятивного пузыря в 90-х годах прошлого века Алан Гринспен говорил, что эта проблема слишком сложная, и что никто не может понять, что происходит. Теперь же, отметил журналист, мы имеем второй пузырь, и снова Алан Гринспен говорит, что это слишком сложно, и никто не может понять, что происходит. В связи с этим Джон Кэссиди выразил свое удивление: ведь о сложности проблемы говорит человек, который много лет был высшим финансовым управляющим в стране. Алан Гринспен – глава центрального банка страны, но не может ничего сделать с главными проблемами

в экономике, поразился журналист.

Я разделяю его удивление, но могу предложить возможное объяснение такому неведению. Дело не в сложности проблем, скорее всего, Алан Гринспен, осознанно или неосознанно, в принципе не хотел разбираться в проблеме пузырей. Возможно, Алан Гринспен не согласится с таким утверждением, однако о людях надо судить не по их словам и что они о себе думают сами, а по тому, что они делают.

Действительно, если бы Алан Гринспен хотел понять, что происходит, он бы обратился к специалистам или общественности. Вот Билл Гейтс, действительно, хотел стать богатым человеком, поэтому, когда он понял, что его программами пользуются бесплатно, написал письмо к пользователям с призывом платить. А потом, возможно, поспособствовал и законодательному распространению авторского права на программы.

Алан Гринспен написал письмо каким-либо любителям финансов, когда понял, что не понимает, что происходит на рынке? – Нет. В 2002 году он сообщил, что нам не остается ничего иного как ждать и смотреть, что произойдет. И в октябре 2008 года он также говорил о сложности проблемы, но не сказал, что же он делал, чтобы эту проблему решить. Потому что ничего не делал. А ведь если человек чего-то хочет, он предпринимает необходимые действия, чтобы этого добиться, а когда действий нет, это и указывает на отсутствие желания. Даже если сам человек полагает или

заявляет, что такое желание у него есть.

Такая установка главы ФРС была связана, по-видимому, с тем, что Алан Гринспен был сторонником теории нерегулируемого капитализма (неолиберальной идеологии). Поэтому он не считал нужным не то что контролировать, но даже и просто получать информацию о процессах, происходящих в сфере финансов, надеясь на то, что бизнесмены сами разберутся, что и как им делать.

Во многом благодаря его усилиям в декабре 2000 года в США был принят закон о Модернизации срочных товарных сделок (Commodity Futures Modernization Act), благодаря которому на рынке производных финансовых инструментов (деривативов), регулируемом законом о товарных биржах 1936 года, были сняты некоторые запреты. Начал бурно развиваться неконтролируемый государством внебиржевой рынок производных инструментов. Даже знать, что там творится, Алан Гринспен не хотел. Это и есть, как я думаю, его основная ошибка, которая через 8 лет и привела к самому сильному финансовому кризису в США после Великой Депрессии.

В 2003 году в работе рынка производных финансовых инструментов попытался разобраться известный инвестор и второй на тот момент по величине богатства человек на планете – Уоррен Баффет. В марте 2003 года в своем ежегодном послании к акционерам возглавляемой им инвестиционной компании Berkshire Hathaway он сообщил результат

своей попытки: «Когда мы с Чарли закончили читать детальные описания активности ведущих банков на рынке деривативов, то единственное, что поняли, это то, что мы не понимаем, какой риск они на себя берут» (Чарли Мангер – один из партнеров Уоррена Баффета).

Кроме того, Уоррен Баффет назвал производные инструменты финансовым оружием массового поражения и бомбами замедленного действия, угрожающими экономической системе. Высказал он свое мнение и по поводу финансовых регуляторов: «Центральные банки и правительства пока не нашли эффективных путей контроля или хотя бы мониторинга рисков, возникающих на рынках деривативов». Правильнее, на мой взгляд, было бы сказать, что центральные банки и правительства не хотели искать пути контроля и мониторинга таких рисков, но Уоррен Баффет был дипломатичен.

Впрочем, после 2008 года небольшое желание искать такие пути у чиновников появилось. В июле 2010 года в США был принят так называемый закон Додда-Франка, который вводит некоторые правила на этом рынке. Но и тут возникли проблемы, и к пятилетию со дня начала кризиса, то есть в 2013 году, по оценке юристов компании Davis Polk & Wardwell LLC, из 398-ти положений закона были введены в действие только около 40%. И это не случайно. Дело не только в сопротивлении банкиров и в том, что многие руководители финансовых ведомств США на самом деле не хо-

тят знать, что происходит в экономике. И дело даже не в теории нерегулируемого капитализма. Ситуация гораздо сложнее.

Природа и причины пузырей активов

Затруднения Алана Гринспена кажутся довольно странными еще и потому, что в понимании процессов, происходящих при возникновении пузырей на рынке активов, нет, в принципе, ничего сложного.

Посмотрим, что представляет собой это явление на идеализированном примере. Допустим, я взял кредит в банке, купил пару каких-то предметов, которые изготавливаются в количестве одной штуки в неделю, у их производителя. Допустим, на следующий день вы тоже взяли кредит и выкупили эти предметы у меня по цене в два раза дороже. На следующий день мы повторили процедуру в обратном порядке. Начнется инфляция – рост цен на эти предметы. В результате через неделю таких торгов у нас будут предметы в 128 раз дороже первоначальной цены. И вот тут-то мы перестанем покупать эти предметы друг у друга, разделим эти два предмета между собой и продадим этот стремительно дорожающий актив какому-либо простаку, решившему вложить свои финансовые резервы во что-либо стоящее, по цене в 128 раз выше первоначальной. После чего мы вернем кредиты и останемся с серьезным наваром. Производитель этих предметов к тому времени изготовит еще один, и тоже, если повезет, продаст простакам по высокой цене.

Но когда мы прекратим торговать друг с другом, а проста-

ки потратят свои деньги, цены на эти активы упадут до обычного уровня в соответствие с обычным спросом и предложением на этот товар. То есть, произойдет дефляция. Простаки, купившие эти вещи у нас, останутся с убытками. Но мы с вами, производитель товара и некоторая часть простаков могут получить прибыль, если они успеют продать часть своего товара до начала падения цен.

В конечном итоге этой операции произойдет перераспределение капитала (деньги от простаков перейдут к нам и, частично, к производителю), временная активизация производства в одной из сфер экономики, а также временно возникнет новая сфера деятельности, связанная с перепродажами выбранных нами активов. Общество в целом особо богаче от всей этой кутерьмы не станет, но отдельные люди хорошо поднимутся.

Все пузыри на рынках активов реализованы именно по такой схеме, и отличаются только предметами торговли, источниками средств для спекуляции, организаторами пузырей и простакami, которые в конечном итоге отдают свои деньги организаторам.

По такой схеме произошел и кризис 2008 года. Вначале американские банки давали жителям США неограниченное количество кредитов, что привело к росту цен на рынке недвижимости (инфляции), затем из-за подъема ставки ФРС у них возникли проблемы с возвратом средств. Они стали давать меньше кредитов, а простаки начали терпеть убытки,

будучи не в состоянии продать купленный дорогой актив (дома) из-за падения цен на него (дефляции), и стали разоряться.

Суть этого явления и его последствия хорошо известны. Еще автор Декларации независимости США, один из отцов-основателей этой страны – Томас Джефферсон описал его потенциальную опасность в одном из частных случаев: «Если американский народ когда-либо позволит частным банкам контролировать эмиссию долларов, то сначала посредством инфляции, а потом – дефляции, банки и корпорации, которые вырастут вокруг такого Центрального Банка, будут отнимать у людей собственность до тех пор, пока их дети не проснутся бездомными на земле, которую завоевали их отцы». Как в воду глядел.

Схема возникновения пузырей на рынке активов очень простая, и понять, как она работает и какие риски несет, не представляет никакой сложности. Надо только проконтролировать денежные потоки и определить, кто выступает организаторам, кто дает деньги на спекуляции, кто выступает в качестве простаков, и что достается производителям активов.

Смысл пузырей состоит в перераспределении денег, искусственном стимулировании производства в какой-либо сфере производственной деятельности или услуг, а также в возникновении новой сферы деятельности по обслуживанию самого пузыря. Последнее, говоря образно, означает

возникновение нового континента для освоения — новой отрасли экономики, точно также как это произошло с программированием.

Но главное в пузырях активов, это перераспределение средств между различными группами населения. Действия той группы, которая при этом обогащается, и является причиной возникновения этого экономического явления. Оно может не касаться государственного бюджета, а может непосредственно затрагивать и государственные деньги, как это произошло с пузырем ипотечных кредитов в США в 2007—2008 годах, когда в роли простаков в конечном итоге выступило правительство США наряду с некоторыми получателями ипотеки.

В любом случае, возникновение пузыря напрямую затрагивает интересы государства, так как перераспределение ресурсов между слоями общества, не связанное с производством товаров и услуг, является прерогативой государства. Обычно такое перераспределение осуществляется посредством распределения расходов бюджета и установления налогов. При этом в правительствах и парламентах часто возникают бурные дебаты по поводу распределения чуть ли не каждой бюджетной копейки. Возникновение же пузырей позволяет перераспределять ресурсы между различными группами населения внутри государства без правительственных решений и ведома парламентов.

Вот в чем суть пузырей в экономике и вот в чем, как я

думаю, причина нежелания Алана Гринспена и других экономистов и финансистов, принадлежащих к современному мейнстриму, заниматься выяснением природы и причин пузырей. Если описать суть пузырей, сразу же появиться масса желающих поставить их под государственный контроль.

Это может потребоваться и в случае, если деньги бюджета непосредственно не затрагиваются пузырем, так как перераспределение средств может наносить значительный ущерб отдельным группам населения. Именно такую ситуацию имел в виду Томас Джефферсон. Он боролся против создания в США частного банка, которому правительство доверило бы эмиссию долларов, но проиграл, такой банк был образован. После этого Томас Джефферсон боролся с возникшим банком. В 1816 году в письме к Джону Тейлору он написал следующее: «Я считаю, что банковские учреждения более опасны для наших свобод, нежели постоянные армии. Они уже создали денежную аристократию, которая ни во что не ставит правительство. Следует отобрать у банков полномочия на эмиссию и вернуть их правительству, которому они принадлежат по праву».

Борьба между сторонниками и противниками создания частного центрального банка в США шла с переменным успехом до 1913 года, когда последователи Томаса Джефферсона окончательно проиграли, и была создана Федеральная Резервная Система США, состоящая из двенадцати частных федеральных банков, которые и выполняют функ-

ции центрального банка этого государства. Федеральной Резервной Системой она вряд ли была названа случайно. Скорее всего, чтобы не раздражать последователей Томаса Джефферсона лишний раз, слово «банк» из названия центрального банка страны было решено убрать. Правда, государству была сделана уступка: глава ФРС назначается президентом и утверждается Сенатом США, то есть является чиновником.

Мнение Томаса Джефферсона о банкирах, а также история борьбы с банкирами в США делает понятным то, почему Алан Гринспен, осознавая это или нет, не хотел выяснять, как функционируют пузыри на рынках активов. Ведь стало бы ясно, что назначение этих пузырей – это перераспределение богатств страны от рядовых американцев к финансистам. К тому же, оказалось бы, что это перераспределение поддерживает центральный банк страны, предоставляя средства спекулянтам по низким ставкам.

Чтобы понять значение организации подобного механизма перераспределения национального богатства для США, надо вспомнить, что в основе американской государственности, как принято считать, лежат идеи английского философа Джона Локка, который в своей книге «Два трактата о государственном правлении» писал следующее: «Причина, по которой люди вступают в общество, это сохранение их собственности; и цель, ради которой они избирают и уполномочивают законодательный орган, заключается в том, чтобы

издавались законы и устанавливались правила в качестве гарантии и охраны собственности всех членов общества, дабы ограничивалась власть и умерялось господство каждой части и каждого члена общества».

Разрешение государством организации группами частных лиц пузырей на рынке активов означает частичный отказ правительства от защиты собственности людей, отказ от установления правил, гарантирующих гарантии и охрану собственности всех членов общества от части этого общества, то есть нарушает причину, по которой люди образуют государство, негласный общественный договор между народом и правительством.

Более того, Джон Локк считал, что «законодательный орган не может передать право издавать законы в чьи-либо другие руки. Ведь это право, доверенное народом, и те, кто им обладает, не могут передавать его другим».

Но создание частного центрального банка и отказ от контроля за деятельностью частных банков в некоторой сфере деятельности фактически означает передачу им права издавать законы (формально такие права не передаются, но банки получают право самостоятельно устанавливать правила своей деятельности, что, по сути, эквивалентно изданию законов).

То есть, с точки зрения взглядов Джона Локка на природу государства, законодательная власть США нарушила неписанный договор с народом США, отказавшись выпол-

нять свои обязательства перед ним. Вот в чем состоит суть пузырей на рынках активов в США. Понятно теперь, почему Алан Гринспен испытывал затруднения с объяснением явлений, связанных с появлением пузырей в экономике страны. Ему пришлось бы в самом Конгрессе обвинить Конгресс в измене народу. На этом его карьера на посту главы ФРС, думаю, сразу бы закончилась, причем независимо от того, как бы восприняли такую правду Конгресс и народ США.

Континент Алана Гринспена

Впрочем, у Алана Гринспена есть серьезная уважительная причина, отчасти оправдывающая его действия, которые привели к ипотечному кризису. О ней он рассказал в своей книге «Age of Turbulence: Adventures in a New World», опубликованной в 2007 году. Этой книге тоже не повезло с переводом заголовка на русский язык. Кажется, понятно написано: «Эпоха турбулентности: приключения в новом мире». Название, вполне соответствующее содержанию. И под каким заголовком, думаете, вышла книга на русском языке? Вот оно: «Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы».

Почему это произошло, понятно. Слово «турбулентность» тогда, когда Алан Гринспен написал свою книгу, русскоязычными людьми, пишущими на финансовые темы, использовалось редко, поэтому, я думаю, переводчики заменили его другим словом. То есть, они отредактировали перевод. Сейчас, кстати, ситуация изменилась и слово «турбулентность» уже повсюду используется в деловой русскоязычной прессе. Все привыкли.

Перевод *Adventures in a New World* как «Проблемы и перспективы мировой финансовой системы» – это тоже чистой воды редакторская правка. На каком-то этапе издания книги нашелся человек, который решил, что такое научное на-

звание больше подходит для книги такого «большого» чиновника как председатель ФРС, чем легкомысленное «приключения в новом мире». В этом, на самом деле, есть резон, но чтобы понять, в чем он состоит, нам надо еще пройти солидный путь, поэтому к обсуждению названия книги Алана Гринспена мы вернемся в третьей главе.

А пока займемся ипотечными кредитами и самим Аланом Гринспеном. В своей книге он отметил множество положительных процессов в экономике, которые последовали за снижением ставки ФРС, вызвавшим впоследствии ипотечный кризис.

Во-первых, увеличились потребительские расходы в экономике США, так как цены на недвижимость быстро росли, и многие люди зарабатывали деньги, покупая и продавая дома. Это обеспечивало им дополнительные доходы, за счет которых они увеличивали свои потребительские расходы, а это обеспечивало рост налогов, увеличение бюджета и подъем ВВП США. То есть, выгоду получали не только финансисты. Алан Гринспен в своей книге указал, что цены на вторичном рынке жилья в 2000—2002 годах росли на 7,5% в год, строительство жилья приобрело рекордный размах, а число домов, которые сменили владельцев, было огромным. По оценкам аналитиков, на которые сослался Алан Гринспен, 3—5% прироста стоимости жилья трансформировалось в повышение спроса на товары и услуги.

Но это еще не все. Алан Гринспен обратил внимание

на то, что благодаря низким ставкам на рынке ипотечных кредитов резко увеличилось число собственников среди испаноязычных и чернокожих американцев. Если в 1994 году, отметил он, собственное жилье имели 64% американских семей, то к 2006 году таких стало 69%. «Я считаю, что повышение доли собственников жилья сделало значительную часть населения кровно заинтересованной в будущем страны, а это способствовало сплочению нации», – написал Алан Гринспен.

Я так подробно остановился на мнении самого Алана Гринспена о результатах его действий, так как они характеризуют его не только как сторонника крупного капитала. Все не так просто. Он действительно старался сделать лучше жизнь простых американцев, предоставив им новые возможности увеличения доходов.

Фактически он, как и Билл Гейтс в программировании, стремился создать новый континент, пригодный для освоения пионерами, отважившимися принять участие в тех программах, осуществление которых стало возможным благодаря низким ставкам ФРС и бесконтрольной деятельности финансистов.

Это указывает на неоднозначность такого явления, как пузыри активов. Они в некоторых случаях приносят пользу для отдельных групп населения, причем не только для организаторов пузырей.

В рассмотренной нами ранее идеализированной схеме

возникновения пузырей активов было отмечено, что некоторые производители этих активов и простакки тоже могут нажиться во время бума. Об этом, собственно, на примере ипотечного кредитования, написал и Алан Гринспен. Поэтому для оценки финансового кризиса 2008 года следовало бы учесть и ту выгоду, которую получили различные слои населения США от нескольких лет процветания, которые были им были обеспечены пузырем на рынке недвижимости. Возможно, такая оценка и сделано, но мне она не попадалась.

Такая выгода, я думаю, отчасти объясняет терпимость государства к пузырям: они позволяют наращивать ВВП, увеличивать занятость, улучшать состояние внешней торговли, и иногда даже способствуют сплочению нации. Такой эффект, правда, является временным, но если вместо одного пузыря тут же создавать новый, то прогресс будет длиться длительное время. Что и делал Алан Гринспен на посту главы ФРС, обеспечив США длительный период развития экономики без традиционных кризисов. Некоторое время это удавалось, но затем за процветание пришлось расплачиваться более глубоким кризисом, чем обычно.

Тем не менее, довольно долго в США благодаря, в том числе, действиям экс главы ФРС, было несколько сфер деятельности, главным образом, в финансах, где множество людей нашло себе занятие и заработали хорошие деньги. Целый экономический континент, который стоило бы назвать именем Алана Гринспена.

Впрочем, и без него в США хватает пузырей. Это не является тайной, и экономисты придумали даже специальный термин для обозначения такого явления — экономика пузырей (bubbleeconomics).

В настоящее время принято считать, что в США создана постиндустриальная экономика, в которой на первом месте находятся сфера услуг. В США она обеспечивает около 75% ВВП. Иногда еще говорят, что в стране создано информационное общество или сервисное общество. Именно в этой сфере — сфере услуг — и существуют основные «пузыри», то есть цены многих услуг завышены и оторваны от реальности.

Конечно, в сферу услуг включены различные отрасли, в том числе и такие, где нет пузырей. Например, это, как мне кажется, транспорт и туризм. Но в таких сферах, как финансы, образование, медицина и сфера высоких технологий пузыри несомненны. И самый главный из них, конечно, в финансах. В докризисном 2006 году вклад финансовой сферы в ВВП США составлял 20,9%, тогда как вклад всей обрабатывающей промышленности равнялся 12,1%.

Оценить величину «воздуха» в различных отраслях экономики США очень сложно. Несколько лет назад я попробовал это сделать, и у меня получились десятки процентов от ВВП. А это значит, что фиктивная часть американского ВВП составляет триллионы долларов. Впрочем, она не такая уж и фиктивная, так как обращающиеся в пузырях доллары вполне реальны.

Вот, пожалуй, главная причина существования мыльных пузырей в экономике США и не только США. Они позволяют увеличивать ВВП, что в свою очередь обеспечивает стране массу преимуществ. В частности, дает возможность осуществлять внешние и внутренние заимствования, используя «воздух» в качестве залога. Можно получать деньги и на рынке акций. В США существуют крупные корпорации, которые зарабатывают значительные доходы в сфере услуг, и естественно, если стоимость этих услуг завышена, то завышенной получается и цена акций таких корпораций. Но продаются эти акции за вполне реальные деньги, в том числе и иностранным инвесторам. Простаков в мире хватает. То есть вместо воздуха в пузырях удастся получить вполне осязаемый иностранный капитал.

Сейчас принято считать, что рынок ценных бумаг перестал отражать реальную эффективность экономики и стал носить чисто спекулятивный характер. Это правда. Но это не вся правда. Рынок ценных бумаг стал новой отраслью экономики, позволяющей получать постоянный доход. Тут стоит вспомнить ссылку Алана Гринспена на аналитиков, подсчитавших, что около 3—5% прироста стоимости недвижимости в период бума на рынке недвижимости шло на потребительские расходы населения. Наверняка аналитики подсчитали и то, какая часть прироста цен акций отправляется на потребление. Я не стал искать такие расчеты, их величина не важна, имеет значение сам факт их наличия.

Повторим, деньги, которые оказываются в «раздутой» отрасли, вполне реальны, и они позволяют увеличивать занятость населения. Это, в частности, позволяет сглаживать негативные последствия роста производительности труда в промышленности, в результате чего там освобождается много людей.

Но и это не все. Еще одним достоинством пузырей в экономике является возможность экспорта воздуха из этих пузырей в виде предоставления другим странам услуг по завышенным ценам. Блестящий пример подобного рода – это процесс Бориса Березовского против Романа Абрамовича, который прошел в Лондоне в 2012 году. Процесс закончился ничем, и его единственным результатом стало требование английских юристов к Борису Березовскому заплатить им то ли 35 млн. то ли 100 млн. фунтов стерлингов или даже больше (конечной суммы я не выяснял). Юристы, а заодно и в целом Великобритания, хорошо заработали, продав свои услуги. А произошло это потому, что английские юристы сумели поднять стоимость своей работы до невообразимой величины, чему способствовала незаметная рука государства, которое обеспечило юристам такую возможность принятием специальных законов. И все вместе зарабатывают на простачах из-за рубежа.

Поддержка государства, его незаметная рука при формировании пузырей, в сфере услуг очень важна, так как она позволяет ограничить импорт услуг из других стран. Так,

правительство США тратит огромные деньги на здравоохранение, но американцы не могут потратить деньги из своей страховки на получение медицинского обслуживания за пределами страны. То есть, завышенные цены на некоторые услуги внутри страны не приводят к увеличению импорта. Очень разумно.

Доходы США от продажи услуг, цены на которые завышены, весьма велики. Например, в 2012 году экспорт американских услуг в виде роялти и лицензионных сборов, а также других частных услуг, куда входят финансовые, образовательные и медицинские услуги, достиг 400 млрд. USD. А экспорт по традиционным сферам услуг, таким как туризм и перевозки, включая военные контракты, составил всего 230,6 млрд. USD. В то же время, экспорт товаров из США за год равнялся 1353,2 млрд. USD.

Более того, экспорт услуг, изрядно наполненных воздухом, растет намного быстрее, чем экспорт товаров. Так, с 2008 года по 2012 год экспорт товаров из США увеличился на 53,1 млрд. USD, экспорт услуг из упомянутых выше областей экономики с «пузырями» поднялся на 66,9 млрд. USD, а экспорт указанных выше традиционных услуг вырос всего на 29,3 млрд. USD.

Так что на пузырях в своих активах и в сфере услуг США зарабатывают хорошие деньги, которые, возможно, даже перевешивают прямые убытки страны от турбулентности, возникающей тогда, когда пузыри лопаются.

Итак, подведем итоги рассмотрения второго примера возникновения богатства (в финансовой сфере США), где вмешательства государства, как кажется на первый взгляд, и не было в силу того, что оно ушло в сторону. Но как оказалось, что и тут за спинами свободных рыночных субъектов торчат уши государства. Ведь рынок производных инструментов – это не просто выдумка каких-то банкиров, это сфера экономики, регулируемая целым букетом государственных законов (о которых я не писал, это отдельная история). ФРС, возглавляемая государственным чиновником Аланом Гринспеном, передало банкам часть государственной власти, разрешив осуществлять эмиссию долларов, то есть печатать деньги посредством использования производных финансовых инструментов. Более того, Алан Гринспен держал ставки на низком уровне, предоставляя средства финансистам для надувания пузыря.

Ситуация, сложившаяся в США с центральным банком не является чем-то принципиально новым для мировой экономики. Подобные события происходили еще до возникновения этой страны. Некоторые группы населения получали от правительств отдельных стран государственные полномочия. Ни к чему хорошему, если не считать обогащения отдельных групп населения, подобные привилегии, в конечном счете, не приводили.

Вот что об этом написал Адам Смит в книге о богатстве народов: «Общее покровительство торговле всегда счи-

талось крайне важным для защиты государства и составляло поэтому неотъемлемую часть обязанностей исполнительной власти. Поэтому собирание и расходование общих таможенных пошлин всегда было предоставлено этой власти. Но покровительство какой-либо отдельной отрасли торговли есть часть покровительства торговле вообще, а следовательно, также составляет часть обязанностей исполнительной власти, и если бы народы всегда поступали последовательно, то специальные пошлины, взимаемые для этого специального покровительства, тоже всегда оставались бы в ведении исполнительной власти. Но в этом отношении, как и во многих других, народы поступали не всегда последовательно, и в большей части торговых государств Европы отдельные компании купцов ухитрялись убедить законодательную власть доверить им выполнение этой части обязанностей государя вместе со всей той властью, которая с этим неизбежно связана.

Эти компании, хотя и могли быть полезными благодаря тому, что впервые вводили некоторые отрасли торговли и делали за свой счет опыты, которые государство не находило благоразумным делать, в конце концов везде доказали свою обременительность или бесполезность, везде расстроили или стеснили торговлю».

Доказала ли ФРС уже свою обременительность или бесполезность, и близок ли ее конец или нет, я судить не берусь, это предмет специального разбирательства. Но кризис

2008 года является аргументом в пользу такого предположения. Можно в связи с этим отметить, что центральный банк Великобритании – Банк Англии, который был создан как частный банк в 1694 году, англичане сочли нужным национализировать в 1944 году, передав ему при этом некоторые дополнительные властные полномочия помимо права эмиссии фунтов стерлингов.

Похоже, что это было правильным решением. По крайней мере, Адам Смит его явно бы одобрил. В его время финансистов было еще не так много как сейчас, поэтому, по-видимому, на них он особого внимания не обращал, рассуждая о торговцах. А к ним он относился довольно настороженно: «К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение и угнетал».

Как видим, Адам Смит в отношении класса капиталистов придерживался мнения, прямо противоположного мнению Алана Гринспена, испытывающего безграничное дове-

рие к этому классу.

Глава 2. Истинная индукция: версия Джеймса Стюарта Милля

История исследовательского проекта Адама Смита, таким образом, оказалась довольно печальной. Он хотел создать экономическую науку, а его труд был использован для обоснования идеологии. Он предупреждал об опасностях для экономики, исходящих от монополизма и торговцев, но его советы услышаны не были.

Это мне кажется несправедливым. Адам Смит предпринял хорошую попытку создать науку, и ее следовало бы завершить, восстановив справедливость. Для этого надо вернуться к «невидимой руке», и снова попытаться выяснить, кому же она принадлежит.

Понять это позволяют результаты работы английского экономиста и философа – Джеймса Стюарта Милля, который продолжал дело Адама Смита. Милль попробовал выяснить, что же представляет собой наука, и написал еще одну толстенную книгу, посвященную методологии научного познания. Это уже упоминавшаяся «Система логики силлогической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования», опубликованная в 1843 году.

Изучением двух важных моментов из этой книги мы

и займемся. Они имеют непосредственное отношение к книге Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», который, проводя свои изыскания, не определил, что он имеет в виду под терминами «исследование» и «причины». А Джеймс Стюарт Милль это сделал, и из его книги мы узнаем, что значат эти понятия.

Эта часть моей книги, пожалуй, является самой скучной. Как бы я ни хотел написать о сложных вопросах научной методологии попроще, читателю все равно придется несколько напрячься, так как в тексте иногда будут попадаться довольно длинные рассуждения и вводиться новые термины. На этом пути нам помогут белый и черный лебеди, о которых Джеймс Стюарт Милль написал задолго до Нассима Николаса Талеба.

Зато человек, который прочтет эту главу, будет вознагражден: он узнает, что такое истинная индукция (в определении Милля) и проникнет в ее суть лучше, чем мудрейшие из древних философов (так считал Милль). Читатель также поймет взгляды Адама Смита на экономику лучше, чем мудрейшие современные экономисты из мейнстрима (а это мое мнение).

Станет ясно после изучения данной главы также и то, как можно завершить исследовательский проект Адама Смита.

Отличие индукции от обобщения из опыта

Если рассматривать научную методологию несколько упрощенно, то можно сказать, что существуют два основных метода познания: дедуктивный и индуктивный. Дедуктивный – когда из некоторых посылок с помощью законов формальной логики выводятся некоторые следствия. Индуктивный – это когда из частных фактов делаются общие выводы.

Существуют также и другие методы, такие, в частности, как наблюдение, анализ, с помощью которых определяются факты и термины, используемые для последующих рассуждений и обобщений, и т. д.

Джеймс Стюарт Милль привел в своей книге следующий пример индуктивного метода: обнаружив несколько лебедей одинакового белого цвета, можно сделать предположение о том, что все лебеди белые. Появление других белых лебедей будет только подтверждать это обобщение. До конца 17 века, отметил Милль, люди так и думали, пока не нашли в Австралии черных лебедей.

Подобное обобщение является, как отметил Джеймс Стюарт Милль, образцом применения индукции древних философов, а английский философ Френсис Бэкон, который является одним из основоположников методологии естественных наук, назвал ее «индукция при помощи простого пе-

речисления, при котором не встречается противоречащего случая».

Милль назвал такое умозаключение «индукцией в собственном смысле слова» и определил как «обобщение из опыта». Оно является, как отметил Милль, недостаточным для современной индукции как научного метода, что выяснил еще Френсис Бэкон, основатель индуктивного метода.

Тут Милль счел нужным указать, что физические науки в его время далеко опередили понятие об индукции Френсиса Бэкона, а вот науки нравственные и политические оставались еще далеко позади.

Можно отметить, что со времени написания книги Миллем прошло уже чуть ли не два столетия, а ситуация с научной методологией в гуманитарных науках, на мой взгляд, стала примерно той же. В связи с этим можно вспомнить слова экс главы ФРС Алана Гринспена, произнесенные им 23 октября 2008 года на заседании комиссией Палаты представителей конгресса США по контролю и правительственной реформе, о том, что на протяжении 40 или более лет идеология, которой он придерживался, подтверждалась происходящими событиями. И, напомним, 13 ноября того же года в Объединенном экономическом конгрессе США он обосновал свое непонимание ситуации в экономике США тем, что примеров слишком мало для обобщения.

То есть современный финансовый гурู для объяснения

происходящих в экономике событий стремился ограничиться индукцией при помощи простого перечисления. Которая, как выяснил еще Фрэнсис Бэкон, английский философ, живший во второй половине 16 века – начале 17 века, не годится в качестве научного метода. Алан Гринспен о том, годится простое обобщение для рассуждений или не годится, похоже, вообще не думал. Он верил в свою идеологию, хотя мог бы воспользоваться идеями Джеймса Стюарта Милля, который не ограничился указанием на несовершенство обобщений из опыта, и описал научную индукцию.

Для этого Милль сравнил два утверждения. Первое – «все лебеди белые», которое считалось верным в течение столетий, но оказалось ошибочным, хотя примеров того, что все лебеди белые, было множество. Но обнаружения даже одного черного лебедя оказалось достаточно для опровержения этого обобщения. Назовем это правилом черного лебедя: даже одно событие, противоречащее правилу, опровергает это правило.

Второе утверждение, которое привел Милль, это предположение о том, что у всех людей головы возвышаются над плечами и никогда не бывают ниже их. У этого предположения есть, как уточнил Милль, даже опровержение – свидетельство древнегреческого естествоиспытателя Плиния, утверждавшего, что люди с головами ниже плеч существуют. И, тем не менее, по мнению Милля, большинство людей скажет, что предположение о возвышении голов над плеча-

ми гораздо вероятнее, чем предположение о белых лебедях.

Почему человек по-разному относится к приведенным утверждениям? – Спросил Джеймс Стюарт Милль в своей книге. Чтобы ответить на этот вопрос, по его мнению, надо проникнуть глубже, чем это обыкновенно делается, в истинную теорию индукции.

«Почему в иных случаях единичного примера достаточно для полной индукции, тогда как в других даже мириады согласных между собой примеров, при отсутствии хотя бы одного исключения, известного или предполагаемого, так мало дают для установления общего предложения?», – еще раз спросил Милль. И тут же подчеркнул важность этого вопроса: «Всякий, кто может ответить на этот вопрос, больше понимает философию логики, чем мудрейший из древних философов: он разрешил проблему индукции».

Ответ, считает Милль, кроется в законах. Верными люди считают те индуктивные обобщения, которые либо являются законами природы, либо могут быть предсказаны на основе законов природы, если те известны.

Поэтому главная задача современной индукции, отметил Милль, состоит в установлении того, какие именно законы причинной связи существуют в природе, то есть определение следствий каждой причины и причин каждого следствия. Указать, как решается эта задача, считал Джеймс Стюарт Милль, – вот главный предмет индуктивной логики.

Он подчеркнул, что изучение природы есть изучение за-

конов, а не одного закона, изучение единообразий во множественном числе (выделено сами Джемсом Стюартом Миллем). Милль воспользовался образным сравнением наблюдаемых в природе закономерностей с тканью, которая состоит из отдельных нитей, и понять которую можно, лишь проследив поодиночке каждую из этих нитей. А для этого часто бывает необходимо раздергать некоторую часть этой ткани и отделить волокна друг от друга. И правила опытного исследования как раз и служат средствами для такого раздиргивания ткани.

Истинная причина по Миллю

Итак, наука с помощью истинной индукции устанавливает причинно-следственные связи. Поэтому, чтобы понять экономические явления, надо понять, какие причины их вызывают. А для этого надо разобраться в том, что такое причина. Ученые давно пытаются это сделать, но в научной среде, как полтора века назад, так и сейчас, нет единого мнения по этому поводу. Милль посвятил определению этого термина целую главу в своей книге.

Первым делом он отметил, что научное понимание причины не соответствует обыденному употреблению этого термина. Вот как он определил то, что обычно называют причиной: «За известными фактами всегда следуют и, как мы уверены, всегда будут следовать некоторые другие факты. Неизменное предыдущее называется причиной, неизменное последующее следствием».

После этого Милль отметил, что «Для каждого явления существует некоторая комбинация предметов или явлений, некоторое определенное стечение положительных или отрицательных обстоятельств, наличие которых постоянно вызывает за собой это явление».

«Истинной причиной является здесь вся совокупность этих предыдущих; и, говоря философски, мы не имеем права называть „причиной“ лишь одно из них, помимо всех

остальных», — дал определение термина «истинная причина» Милль.

Он отметил существование разных определений причины. Например, иногда причиной явления считается какое-либо одно условие, которое наступило после всех других. Если человек принимает ртутный препарат, выходит из дому и схватывает простуду, можно сказать, что причиной простуды было то, что он вышел на воздух, хотя необходимым условием простуды могло быть и принятие этого препарата. Поэтому для точности, отмечает Милль, мы должны пояснить, что причиной болезни стало то, что человек вышел на воздух в то время, когда на него действовал препарат ртути.

После этого замечания Джеймс Стюарт Милль еще много рассуждал о причинах. Но нам для понимания исследований Адама Смита достаточно знания того, что истинной причиной какого-либо события является некоторая совокупность факторов, наличие которых постоянно приводит к этому явлению. То есть, утверждение о том, что причиной заболевания человека в описанной выше ситуации стал его выход на улицу, является правдой, но не всей правдой. Причиной болезни стало и то, что он принимал перед этим ртутный препарат. Возможно, были и другие причины.

Свобода и своеволие, государство и монополия

Полученное определение истинной причины можно использовать для понимания рассуждений Адама Смита о невидимой руке.

Приведем еще раз вывод из его рассуждений о мотивах человека, вкладывающего свои средства в экономику: «Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения;...». Эта цель, напомним, состоит в том, «чтобы годовой доход общества был максимально велик», то есть в достижении наибольшего богатства общества.

Здесь сделан акцент на одном обстоятельстве, предшествовавшем росту богатства общества: стремление к собственной выгоде. То есть, указана только одна причина из всей совокупности факторов, входящих в истинную причину. Но наряду с этим указаны и другие обстоятельства, которые должны быть в наличии для обогащения общества, а именно, оказание поддержки отечественному производ-

ству, а также стремление к производству с максимальной стоимостью.

Эти обстоятельства также имеют свои причины, которые Адам Смит исследовал при обосновании приведенного выше вывода, и которые мы рассмотрели в первой главе.

В частности, при объяснении причин, побуждающих человека вкладывать средства на территории своей страны, он указал на то, что человек рассчитывает на защиту своих интересов государством. Но делая затем вывод о невидимой руке, Адам Смит не упомянул о государстве. То есть, он поступил так, как в приведенном выше примере Джеймса Стюарта Милля о человеке, который принимает ртутный препарат, выходит из дому и схватывает простуду, поступил бы наблюдатель, сказавший, что причиной простуды было то, что человек вышел на воздух, не упомянув о ртутном препарате.

Но, как заметил Джеймс Стюарт Милль, в описанном примере с простудой надо уточнить, что причиной болезни стало то, что человек вышел на воздух в то время, когда на него действовал препарат ртути. Точно такое же уточнение надо проделать и с рассуждениями Адама Смита, то есть упомянуть все причины, которые приводят к обогащению общества.

В первую очередь разберемся с государством. Если внимательно прочитать книгу Адама Смита о богатстве народов, то можно подумать, что его позиция в отношении государства противоречивая. С одной стороны, как уже упомина-

лось, Адам Смит при обосновании своего вывода о невидимой руке отмечал, что государство защищает бизнес. С другой стороны, в его книге есть некоторые моменты, которые можно понимать так, как будто Адам Смит был против любого вмешательства государства в экономические отношения. В качестве примера можно привести обсуждение Адамом Смитом влияния, которое должно оказать на состояние рынка труда страны восстановление свободы внешней торговли.

Он отметил, что свобода внешней торговли может привести к закрытию некоторых производств в стране и лишит большое количество рабочих и матросов их обычного занятия и привычных условий существования. Но Адам Смит не считает это бедой, так как «Капитал, дававший им раньше работу в какой-либо специальной отрасли мануфактурной промышленности, останется все же в стране и будет давать работу такому же количеству рабочих в какой-либо иной отрасли. Поскольку капитал страны останется неизменным, не изменится или почти не изменится и спрос на труд, хотя он может быть затрачиваем в других местах и для других целей». Поэтому люди, потерявшие работу, могут свободно выбрать любую профессию в любом городе или местности Великобритании и Ирландии.

После таких рассуждений Адам Смит обращается с призывом к государству: «Восстановите так же, как для солдат и матросов, эту естественную свободу заниматься по своему

усмотрению любой профессией для всех подданных его величества, т. е. уничтожьте исключительные привилегии корпораций и отмените устав об ученичестве, ибо они представляют собой действительное ограничение естественной свободы, и прибавьте к этому отмену закона об оседлости, чтобы бедный работник, лишившийся работы в одной отрасли промышленности или в одном месте, мог искать ее в другой промышленности или в другом месте, не опасаясь преследования или выселения, и тогда ни общество в целом, ни отдельные лица не будут страдать от увольнения того или иного разряда мануфактурных рабочих больше, чем от увольнения солдат».

Таким образом, Адам Смит, говоря о свободе заниматься любой профессией, имел в виду отказ от устанавливаемых или поддерживаемых государством привилегий корпораций.

Когда я впервые прочитал приведенный выше отрывок из книги Адама Смита, он меня несколько озадачил, так как я понял его рассуждения о естественной свободе как требование полного устранения государства из регулирования сферы трудовых отношений, то есть требования отказа от любых запретов. Я не заметил, что тут речь идет об установлении новых запретов вместо старых. Действительно, устранение привилегий корпораций означает введение запрета на установление корпорациями запретов на выбор профессии людьми.

Для понимания того, в чем тут проблема, представим

естественную свободу, о которой писал Адам Смит, на практике где-нибудь в обществе охотников-собирателей.

Итак, вот он перед нами, первобытный человек в состоянии естественной свободы на поле. Что-то собирает. А вот навстречу ему идет другой свободный человек, что-то держа в руках. Присмотримся: палка и привязанный к нему заостренный камень – топор. Орудие труда, созданное свободным человеком. Наверное, охотник. Вот два человека в состоянии естественной свободы встретились. Они о чем-то разговаривают. Но что это: второй неожиданно взмахивает топором и наносит удар первому по голове. Тот падает, после чего владелец топора свободно уходит. Похоже, это был не охотник, а другой собиратель, убивший своего конкурента по реализации естественной свободы права на труд. Но ему никто не мешает. Где полиция? – Нет ее, свобода.

Таким образом, естественное право человека на выбор профессии столкнулось с существовавшей в первобытном обществе возможностью свободно убивать других людей. Здесь мы столкнулись с хорошо известным явлением, которое состоит в том, что естественная свобода человека ограничена рамками естественной свободы других людей.

Об этом писал Джон Локк, который в книге «Два трактата о государственном правлении» определил естественную свободу человека как состояние полной свободы в отношении действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что человек считает

подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли.

Джон Локк при этом уточнил, что «хотя это есть состояние свободы, это тем не менее не состояние своеволия; хотя человек в этом состоянии обладает неограниченной свободой распоряжаться своей личностью и собственностью, у него нет свободы уничтожить себя или хотя бы какое-либо существо, находящееся в его владении, за исключением тех случаев, когда это необходимо для более благородного использования, чем простое его сохранение».

Отсутствие свободы уничтожать другого человека определяется, по мнению Джона Локка, законом природы, который выглядит так: «поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого; ибо все люди созданы одним всемогущим и бесконечно мудрым творцом;...».

Окончательное определение свободы и естественной свободы людей Джон Локк формулирует так: «Свобода, следовательно, это не то, о чем говорит нам сэр Р. Ф. (3., с. 5): „Свобода для каждого – делать то, что он пожелает, жить, как ему угодно, и не быть связанным никаким законом“. Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установлен-

ным законодательной властью, созданной в нем; это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы».

То есть, свобода человека — это не возможность для своеволия (вседозволенности), а возможность поступать, не нарушая свободу другого человека. Нарушать свободу, по мнению Локка, препятствует указанный закон природы либо законы государства.

Данное определение свободы позволяет понять, о чем писал Адам Смит, обсуждая проблемы, которые могут возникнуть на рынке труда при введении свободной торговли. Понятно, почему он не опасался того, что в состоянии естественной свободы один человек может убить другого, конкурируя на рынке труда, ученый предполагал, что этому помещает естественный закон или государство.

Таким образом, говоря об отмене одних запретов (в торговле и на рынке труда), Адам Смит вовсе не предполагал отказа от выполнения государством каких-либо функций. Он просто не акцентировал на этом внимания.

У государства, по мнению шотландского экономиста, есть обязанности. Одна из них, указанная в книге о богатстве народов, выглядит следующим образом: «защита, насколько

это возможно, каждого члена общества от несправедливости и притеснения его другими членами общества, или обязанность установления точного отправления правосудия, ...».

То есть, требуя уничтожения исключительных привилегий корпораций и отмены устава об ученичестве, Адам Смит требовал введения ограничения государством на закрепленное в законодательстве своеволие корпораций и отдельных групп населения по отношению к другим группам населения. Шотландский экономист не был против правительственных мер регулирования рынка вообще, он был против правительственных мер регулирования, направленных на защиту монополии, то есть на защиту вседозволенности отдельных групп населения. Но он выступал за правительственные меры регулирования, направленные на запрещение монополий и вседозволенности.

При этом Адам Смит считал, что государство не должно заниматься бизнесом: «нет ничего более несовместимого, чем занятие торговлей и положение государя».

Это не означает, что Адам Смит полностью исключал хозяйственную деятельность государства. Напротив, одной из обязанностей государства он считал основание и содержание таких общественных учреждений и таких общественных работ, которые будучи полезными для общества в целом, не могут своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей. Это хорошие дороги, мосты, судоходные каналы, гавани и т. п., а также

защита отдельных отраслей торговли, которая ведется с варварскими и нецивилизованными народами, в виде складов или контор.

В то же время, Адам Смит допускал и возможность существования рынка, свободного от запретов со стороны государства на своеволие и вседозволенность некоторых групп людей, но только в том случае, когда эти функции государства выполняла природа.

Вот как он описал либеральную политику некоторых стран в отношении внешней торговли: «нации предоставляют полную свободу торговли с колониями всем своим подданным, которые могут вести ее из всех портов метрополии без особых разрешительных свидетельств, кроме обычных таможенных формальностей. В этом случае многочисленность и разбросанность купцов делает для них невозможным заключение каких-либо общих соглашений, и конкуренция между ними является достаточной, чтобы воспрепятствовать им извлекать чрезмерные барыши. При такой либеральной политике колонии получают возможность продавать свои продукты и покупать европейские товары по разумной цене».

Как видим, Адам Смит описывает и ситуацию, когда государство полностью устраняется с рынка, но тут же указывает на природный фактор, который заменяет запреты государства на монополию: многочисленность и разбросанность купцов, обеспечивающая возможность конкуренции между

НИМИ.

Либерализм: версия Адама Смита и Джона Локка

Подводя итог, можно сказать, что Адам Смит выступал против непосредственного участия государства в хозяйственной деятельности, направленной на получение прибыли, но никак не против вмешательства государства в экономику в качестве регулятора, более того, в некоторых случаях он допускал возможность участия государства и в экономических отношениях.

Более того, он считает такое вмешательство и участие необходимым в целях защиты членов общества от вседозволенности и своеволия со стороны некоторых групп населения, а также при освоении новых континентов и непривычных сфер экономики. Государство также должно отказаться от поддержки вседозволенности и своеволия в виде специальных законов, поддерживающих монополии корпораций. Отказ государства от защиты людей от вседозволенности возможен, но в том случае, если эти функции выполняют другие факторы, в частности, природные условия.

Описанные Джоном Локком и Адамом Смитом понимание свободы и роли государства в экономике я буду называть истинным либерализмом, в отличие от фальшивого либерализма, где свобода заменяется вседозволенностью.

Ограничившись проведенным описанием взглядов Джона

Локка и Адама Смита, мы поступили бы как Алан Гринспен, который десятки лет наблюдал, как выбранная им идеология то подтверждается, то не подтверждается на опыте, не пытаюсь понять причины происходящих событий. Но мы уже знаем, благодаря Джеймсу Стюарту Миллю, что представляет собой истинная индукция, и можем попробовать найти причинные связи, которые приводят к указанной истинно либеральной роли государства экономике. То есть, попробуем понять, с чего это вдруг государство должно защищать интересы своих граждан.

Свою версию ответа на этот вопрос дал Адам Смит, который в книге о богатстве народов стремился доказать, что экономика, в которой устранены монополистические привилегии, обеспечивает больше богатство, чем общество с такими привилегиями. То есть, причина сугубо меркантильная.

Другая попытка обосновать подобное поведение государства была предпринята задолго до Адама Смита – Джоном Локком, который исследовал вопрос о происхождении государства и сделал несколько любопытных наблюдений и выводов по этому поводу.

Все в той же книге «Два трактата о государственном правлении» Локк обратил внимание на то, что тогда, когда государств еще не было, некоторые люди не подчинялись естественному закону, устанавливающему равенство людей, и пытались подчинить других людей своей власти. Тем самым, по мнению Джона Локка, нарушители закона вовле-

кали себя в состояние войны с другими людьми. А это, по мнению философа, дает право человеку на защиту от посягательств на его права со стороны других людей, вплоть до убийства. То есть, Джон Локк полагал, что в естественном состоянии каждый человек обладает правом по защите себя и своего имущества, вытекающей из закона природы.

То есть, если учесть, что естественный природный закон на первых этапах развития цивилизации в явном виде сформулирован не был и постоянно нарушался, то согласно Джону Локку состояние человеческого общества до возникновения государства было войной. На мой взгляд, это правда.

Конечно, состояние постоянной войны не устраивало многих людей, тем более что нарушители естественного закона во многих случаях могли оказаться сильнее и более хорошо вооруженными, чем люди, соблюдающие его. Поэтому последние и стремились образовать государство, отказываясь от своего естественного состояния и делегируя государству свое естественное право на защиту себя и своего имущества.

Вот как рассуждал Джон Локк: «Если человек в естественном состоянии так свободен, как об этом говорилось, если он абсолютный господин своей собственной личности и владений, равный самым великим людям и никому не подчиненный, то почему расстается он со своей свободой, почему отказывается он от этой империи и подчиняет себя власти и руководству какой-то другой силы? На это напрашивается са-

мый очевидный ответ, что хотя в естественном состоянии он обладает подобным правом, но все же пользование им весьма ненадежно и ему постоянно угрожает посягательство других. Ведь, поскольку все являются властителями в такой же степени, как и он сам, поскольку каждый человек ему равен, а большая часть людей не особенно строго соблюдает равенство и справедливость, постольку пользование собственностью, которую он имеет в этом состоянии, весьма небезопасно, весьма ненадежно. Это побуждает его с готовностью отказаться от такого состояния, которое хотя и является свободным, но полно страхов и непрерывных опасений; и не без причины он разыскивает и готов присоединиться к обществу тех, кто уже объединился или собирается объединиться ради взаимного сохранения своих жизней, свобод и владений, что я называю общим именем «собственность».

И из таких рассуждений Джон Локк делает вывод, что «Поэтому-то великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности».

Это, по его мнению, и является причиной создания государства: «Причина, по которой люди вступают в общество, это сохранение их собственности; и цель, ради которой они избирают и уполномочивают законодательный орган, заключается в том, чтобы издавались законы и устанавливались правила в качестве гарантии и охраны собственности всех членов общества, дабы ограничивалась власть и умерялось

господство каждой части и каждого члена общества».

То есть, согласно рассуждениям Джона Локка, государство обязано защищать граждан своей страны от посягательств на их жизнь и собственность со стороны других граждан и иностранцев вследствие того, что для этого, собственно, граждане государство и организовали. То есть в этом состоит природа государства. И подобная защита позволяет прекратить войну между гражданами, что способствует росту богатства людей и страны, увеличению численности населения и пр.

Точка зрения Джона Локка мне кажется весьма убедительной. Она не противоречит мнению Адама Смита, который, собственно, писал о том же самом. Действительно, существование монополий и любых привилегий означает сохранение состояния необъявленной войны между отдельными группами населения, что никак не способствует, росту богатства общества. Это и доказывал Адам Смит.

Итак, мы обнаружили вторую причину, кроме эгоизма, которая приводит к богатству народов: это действия государства, обеспечивающего свободу своих граждан посредством запрета вседозволенности для отдельных групп населения.

Истинная причина богатства народов

Но это еще не все. Есть и другие причины богатства народов. Чтобы найти их, надо ввести некоторые представления о причинах явлений, которых не было в книге Джеймса Стюарта Милля.

Когда он писал свой труд, причина того, почему одни лебеди белые, а другие – черные, была неизвестна. Теперь же мы знаем ответ на этот вопрос. Как действовал бы современный ученый, решивший выяснить, почему существует черный лебедь? Он бы сделал анализ генов черного и белого лебедей и установил бы, что у них есть отличия в геноме. После чего он имел бы полное право сформулировать новый закон: все лебеди, имеющие в наборе своих хромосом определенный ген, белые.

Причиной белого цвета лебедя является наличие среди совокупности генов, определяющих лебедя как птицу, особенного гена, который приводит к белому цвету оперения. У черных лебедей другой ген.

Общество состоит из людей, и богатство народа создается их действиями. Следовательно, причиной формирования богатства и существования определенных закономерностей в этом процессе являются некоторые свойства людей. Одно из них Адам Смит выделил – стремление к личному обогащению. Это одна из причин, ведущих к богатству.

Вторую причину богатства, которую Адам Смит в качестве таковой явно не назвал, мы, тем не менее, нашли в его книге о богатстве народов, — это обеспечение государством свободы своих граждан, то есть ограничение им вседозволенности. Но эта причина не относится к качествам людей.

Если снова внимательно прочитать рассуждения Адама Смита по поводу невидимой руки, то там легко обнаружить и упоминания о других свойствах человека, которые являются причинами богатства помимо эгоизма.

Сделаем это. Рассуждения, приведшие к упоминанию о невидимой руке Адам Смит начал с утверждения: «Каждый отдельный человек постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капитала, которым он может распоряжаться».

Стоп. А почему человек вообще стремится с выгодой вкладывать капитал? И разве обязательно вкладывать капитал только ради прибыли? Если присмотреться к людям, то легко обнаружить, что множество людей ни о чем таком не думают, и если у них появляется капитал, то они его тратят. То есть, Адам Смит принял стремление людей куда-то вкладывать капитал в качестве аксиомы, не требующей доказательства. Но в реальности дело обстоит совсем по-другому. Реальный, а не выдуманный человек, может не стремиться разбогатеть, а пытаться познать мир или себя, или стремиться к удовольствиям. А кто-то может стремиться разбогатеть, но не вкладывая средства в производство или тор-

говлю, а изменив рынок в свою пользу, обращаясь с призывом к своим потенциальным потребителям, как это сделал Билл Гейтс. Есть много вариантов. Можно, например, вложить капитал в армию, которая завоюет столько богатств, что и не снилось мирному промышленнику.

Таким образом, Адам Смит неявно предполагает, что человек, эгоизм которого невидимая рука направляет на благо всего общества, кроме этого самого эгоизма, обладает еще целым букетом качеств, без которых никакого богатства он не создаст. Можно выделить, по крайней мере, три качества.

Во-первых, человек должен быть достаточно умным, то есть способным найти продукт с наибольшей стоимостью, а не профукать деньги на рынке.

Во-вторых, он должен быть достаточно законопослушным для того, чтобы стремиться получить прибыль, вкладывая деньги в промышленность, а не тратя их, допустим, на взятки чиновникам, что может быть более эффективным способом обогащения, чем затраты на производство.

В третьих, он должен быть достаточно свободным, чтобы иметь возможность действовать только по собственному усмотрению, а не по приказам других людей, но, в то же время, он должен удерживаться от желания подчинить себе других людей, вложив средства, например, в создание собственной армии.

Если постараться, то можно найти и другие качества людей, которые можно рассматривать как причины богатства

народов и отдельных людей. Но выделенные три являются особенными. Они связаны с теми природными естественными правами человека, которые рассматривал Джон Локк, выясняя вопрос о происхождении государства. Кроме указания на право на собственность, он в своей книге отметил, в частности, что «мы рождаемся свободными, так же как мы рождаемся разумными, ...».

Поэтому начнем с указанных трех качеств. Сделать это не так просто, потому что для создания научной картины происходящих в обществе процессов требуется (вспомним рассуждения Милля об истинной индукции) использовать такие характеристики личности человека, которые проявляются в причинно-следственных связях, определяющих развитие общества и экономики. То есть, допустим, человек должен быть не просто умным, а разбирающимся в рынке и законах общества, он должен быть не просто жадным, но и законопослушным, и не только свободным, но и способным ценить свободу других людей.

Задача найти такие свойства личности не простая. Но попытки сделать это уже предпринимались. Правда, не в экономике, по крайней мере, я там ничего подобного не обнаружил. Найти нужные исследования удалось в совсем другой сфере, в литературе, где некоторые писатели, в частности, российские, пытались разобраться в природе человека. Поэтому сейчас наш путь лежит в русскую литературу.

Глава 3. Природа человека 1: версия Николая Семеновича Лескова и Артура Конан Дойля

Выбор русской литературы не случаен. Во времена Джона Локка и Адама Смита экономическая мысль в России еще практически отсутствовала, но в середине 19 века западные идеи уже проникли в Россию, и их оценкой занялись не только экономисты, но и писатели. В частности, как уже отмечалось, Федор Михайлович Достоевский критиковал импортируемые в страну идеи именно за то, в чем сейчас упрекают современную экономическую теорию: за отсутствие учета природы человека.

В России природа человека проявилась особенно заметно. Особенности российской действительности я начал изучать еще в 90-х годах прошлого века, когда стал финансовым обозревателем в газете «Белорусский рынок». Меня тогда интересовали вложения в акции российских предприятий, и я пытался понять, как будет развиваться российская экономика. Задача оказалась не из простых, единственное, что было ясно, так это то, что российские реформаторы чуть ли не все делают не так, как следует, и это явно неслучайно.

Можно вспомнить знаменитое изречение председателя правительства России в начале 90-х годов прошлого ве-

ка Виктора Степановича Черномырдина: «хотели, как лучше, а получилось как всегда», произнесенное им 6 августа 1993 года по поводу денежной реформы, проведенной в том же году. Сказано хорошо, хотя такой способ действий, когда ставятся хорошие цели, но при их осуществлении получается черт знает что, как мне кажется, не является национальной особенностью России. Но в России эта проблема изучена, пожалуй, лучше, чем в других странах.

Левша подковал блоху, после чего она не смогла танцевать

Стоит вспомнить опубликованный в 1883 году рассказ русского писателя Николая Семеновича Лескова о Левше («Левша. Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»).

Суть этого произведения в следующем. Когда император России Александр Павлович посетил Англию, там решили его удивить и преподнесли в подарок маленькую стальную заводную блоху, которая могла танцевать. Русский царь за подарок отдал миллион рублей, а затем еще за орех, предназначенный для хранения блохи, заплатил 5 тыс. рублей. Надо отметить, что этот орех англичане ему не подарили, то есть, отдавая в подарок блоху, они хотели заработать на упаковке, не рассчитывая на дар царя.

Блоха была царю не нужна, и о ней на некоторое время благополучно забыли. Но следующий царь – Николай Павлович – нашел ее и решил сам удивить англичан, поручив тульским мастерам, среди которых был и Левша, что-нибудь сделать с ней этакое.

Тульские мастера после долгих раздумий решили блоху подковать. Левша сделал самую тонкую работу – выковал гвоздики, которыми подковки были прибиты к ногам блохи. Правда, блоха с подковками уже не смогла танцевать, но тульских мастеров это не остановило. Не смутила такая

мелочь и Николая Павловича, который обрадовался мастерству русских умельцев и отослал блоху вместе с Левшой в Англию, чтобы удивить англичан. Те действительно удивились, хотя как они восприняли тот факт, что блоха больше не могла танцевать, Николай Семенович Лесков, к сожалению, не написал. Он, похоже, тоже не обратил внимания на такую мелочь.

Левша в Англии, как и царь Николай Павлович, зарабатывать на гвоздиках и подковках не стремился, но подглядел, что англичане не чистят ружья кирпичом, отчего те служат дольше, чем в России. Впечатленный этим наблюдением, Левша вернулся на родину, где попытался донести до начальства то, как важно перестать чистить кирпичом ружья. Но сделать ему это не удалось, и главный герой вскорости умер. А Крымскую войну Россия из-за плохих ружей проиграла.

В таком изложении сказа о Левше наглядно видны две особенности поведения героев повествования. Во-первых, ни тульские мастера, ни царь несколько не стремились сделать так, чтобы блоха могла танцевать. Их целью было удивить англичан своими достижениями, остальное их же мало беспокоило. Во-вторых, не стремились они и заработать деньги. То есть, они вели себя совсем не так, как англичане. И явно не вписывались в ту модель общества, которая использована Адамом Смитом при открытии его закона о невидимой руке, направляющей индивидуальный эгоизм на обо-

гашение общества. Царь и тульские мастера хотели только удивить англичан, тогда как англичане, кроме стремления удивить царя, хотели еще сделать функционирующую вещь и заработать на этом.

Алексей Леонидович Кудрин копил резервы вместо использования средств на развитие страны

Люди, похожие на Левшу, есть и в наше время. Характерный пример современного Левши в России – это, как я думаю, бывший министр финансов страны Алексей Леонидович Кудрин.

Как и Левша, он мастер своего дела. Да и о благе России печется также искренне. И есть у него свои достижения, аналогичные гвоздикам и подковкам русских мастеров. Это, без сомнения, созданный, во многом благодаря усилиям экс-министра Стабилизационный фонд, в который Россия направила часть получаемых от экспорта энергоносителей доходов, вместо того, чтобы тратить эти деньги.

Гвоздики и подковки хороши. Но вот беда – финансы России, то бишь блоха, мастерски подкованная Алексеем Кудриным, еле шевелит ногами. Чего стоит одно воровство: в ноябре 2012 года тогдашний глава Счетной палаты России Сергей Вадимович Степашин сообщил, что ежегодно из бюджетных средств, выделенных на государственные закупки, похищается 1 трлн. RUB, что составляет примерно 14-ю часть консолидированного бюджета России (Алексей Кудрин был отправлен в отставку в сентябре 2011 года). Кро-

ме того, из-за уклонения от налогов бюджет России не собирает огромные средства. Пенсионная реформа до сих пор в каком-то неопределенном состоянии.

Стабилизационный фонд повис на бюджете страны тяжким грузом, напоминая подковки на ногах блохи: пенсионеры в стране еле сводили концы с концами, российская наука осталась почти без денег, и многие ученые подались на заработки за рубеж, а колоссальные средства находились за рубежом, практически не принося дохода стране. Джон Локк и Адам Смит явно не одобрили бы действия российского министра финансов, они считал, что государство должно защищать собственность людей, а не копить собственное богатство как какие-то сокровища.

Есть и другое, несколько комичное сходство между Левшой и Алексеем Кудриным. Это участие в их судьбе англичан. Они в свое время оценили мастерство Левши, не ускользнуло от их внимания и мастерство российского министра финансов.

В 2004-м году Алексей Кудрин посетил Лондон, где британский журнал «The Banker» признал его победителем в двух категориях: «Мировой министр финансов года» и «Министр финансов года стран Европы». В журнале отметили заслуги Алексея Кудрина в его твердой и предусмотрительной фискальной политике, упомянув и Стабилизационный фонд. На фоне этих мастерски выполненных гвоздиков и подковок тот факт, что бюджетная система России рабо-

тает из рук вон плохо, остался без внимания, как и во время посещения Англии Левшой никто не обратил внимания на то, что подкованная блоха уже не танцует (по крайней мере, Лесков об этом не написал).

Более того, как и Левша, Алексей Леонидович Кудрин печется о благе России. Когда он работал министром финансов, то постоянно давал советы о том, как надо управлять страной. Точь-в-точь как Левша, который вместо того, чтобы придумать что-то, способное помочь блохе танцевать даже с подковками, увлекся проблемой чисткой ружей. Левшу это до добра не довело, да и Алексей Кудрин в конце концов был уволен за свою склонность к советам.

Сходство с Левшой экс-министр финансов России сохранил и после отставки со своего поста. Алексей Кудрин в настоящее время заметная фигура в России, но борется он не с проблемами бюджетной сферы, а за развитие гражданского общества, и продолжает давать советы о том, как надо обустроить Россию. Если Левша, побывав в Англии, обнаружил, что там не чистят ружья кирпичом, то Алексей Кудрин увидел там хорошо развитое гражданское общество и решил, что такое надо создать и в России.

Тут важно подчеркнуть, что речь идет не о правоте или неправоте экс-министра финансов. Так, в случае с гражданским обществом Алексей Кудрин прав, пожалуй, на все 100%, оно необходимо России, как прав был и Левша в деле с чисткой ружей. Но это нисколько не отменяет того факта,

что непосредственно вверенные Алексею Кудрину дела бюджета в то время, когда он был министром финансов, обстояли как-то неправильно: у государства деньги были, а у людей – нет. А ведь мог же Алексей Кудрин, наверное, решить наиболее острые проблемы бюджета. Но не дошли до этого руки, так же как и Левша как-то не подумал, что подковать блоху стоило так, чтобы она смогла танцевать.

Вот она – особенность некоторых российских управленцев и бизнесменов, которая непосредственно влияет на экономику страны, препятствуя развитию экономики стране. Они увлекаются отдельными идеями, но не замечают стоящих перед ними задач в целом и не стремятся решать многие проблемы, которые должны решать в силу занимаемого ими места в обществе. То есть стремятся делать то, что хотят, а не то, что им надо делать. В результате и получается, что чиновников много, все они что-то делают, а толку мало, так как решением множества проблем в стране, которыми чиновники должны были бы заниматься в силу их служебных обязанностей, никто не занимается.

Алан Гринспен избавил США от очередного экономического кризиса, вызвав еще более сильный кризис

Впрочем, не стоит думать, что люди типа Левши живут только в России. За рубежом их тоже хватает. Характерный пример – Алан Гринспен. Он, бесспорно, мастер своего дела. Те годы, когда он руководил ФРС являются одними из самых благополучных в экономическом отношении в истории этой страны. При нем в США не было кризисов, а финансовый сектор экономики просто расцвел. Это достижения.

Но, как выяснилось позже, Алан Гринспен не устранял причины мелких кризисов, а просто отодвигал их на будущее, что привело к накоплению негативных эффектов в обществе и вызвало крупный кризис, только позже. То есть, Алан Гринспен действовал как типичный Левша, добиваясь выдающегося результата в одном, не замечая того, что заваливает другое дело, которое относилось к его прямым служебным обязанностям.

Кроме того, есть еще одна особенность, которая объединяет Алана Гринспена, Левшу и Алексея Кудрина. Американского финансиста тоже заметили и оценили англичане. Королева Великобритании Елизавета II в 2002 году произве-

ла американца в рыцари, наградив Орденом Британской Империи за вклад в обеспечение стабильности мировой экономики. История любит пошутить.

В качестве еще одного примера человека типа Левши можно назвать и настоящего англичанина – Шерлока Холмса. Он достиг совершенства в мастерстве сыщика, все же остальные традиционные социальные функции его мало волновали, в частности, он не стремился завести семью или заработать капитал.

Сейчас Шерлока Холмса иногда называют социопатом, но, по-моему, это неправильная идентификация. Социопатами принято считать людей, ведущих асоциальный образ жизни и лишенных лояльного отношения к окружающим. Такая характеристика никоим образом к Шерлоку Холмсу не подходит. Он, действительно, сознательно пренебрегал некоторыми социальными нормами, но к окружающим людям относится с уважением, и в целом чтит их права, чего социопаты не делают.

Левшу отличает особенность не психики, а разума, степени адекватности его поведения законам и традициям, принятым в обществе. Левша просто не думает о том, что блоху надо починить, не понимая или не считая нужным задумываться о том, зачем она нужна. Левша не знает или не придает значения тому, что человеку необходимо зарабатывать деньги для достижения личного успеха. Точно так же Алексей Кудрин не знал или не придавал значения некоторым обя-

занностям министра финансов, а Алан Гринспен не хотел делать то, что следовало бы сделать главе центрального банка страны, из идеологических соображений.

То есть отличительное качество Левши характеризует его разумность, но не с точки зрения владения определенным знанием или быстроты мышления, а с точки зрения степени адекватности его действий и намерений определенным социальным функциям. Намерения Левши этим функциям не соответствует, то есть речь идет о некоторой социальной неадекватности.

Если с Левшой это, по-моему, очевидно, то утверждение, допустим, о том, что знания экс-главы ФРС о социальных функциях не соответствуют действительности, могут показаться преувеличением, ведь Алан Гринспен сделал весьма успешную карьеру, и даже стал британским рыцарем. Однако если взять Левшу в том периоде его истории, когда он оказался в Англии, то можно было бы прийти к выводу, что и он тоже успешный человек, еще бы – обласкан властью своей и чужой страны, имеет выгодные деловые предложения.

Более того, Алан Гринспен сам выдал свою неадекватность, сказав, как уже упоминалось, «Если вам кажется, что я выразился ясно, значит, вы меня неправильно поняли». Это, конечно, шутка, но не стоит забывать, что говоря это, Алан Гринспен работал не ведущим юмористической программы на телевидении, а главой ФРС, от действий которой зависит экономика огромной страны и благосостояние мно-

жества людей, что совсем не шутка. И неясность его выражений означает непонимание им ответственности, которая связана с занимаемым им постом.

Представьте доктора, который с улыбкой говорил бы своим новым пациентам что-то вроде: «если кто-то из моих пациентов сказал, что он выздоровел, значит, я его не долечил». Такому доктору не стоит лечить людей.

Но американский финансист явно не понимал своей ответственности как государственного чиновника перед народом, и воспринимал жизнь как некоторую игру. На это указывает и название его книги «Age of Turbulence: Adventures in a New World». Чувствуется такая шаловливость, как будто подросток попал в мир взрослых, впервые сходил в стрип-бар, и увлеченно рассказывает приятелям о том, какие странности происходят там. Редактор или переводчик его книги на русский язык, скорее всего, это несоответствие действий Алана Гринспена его должности уловил. Поэтому, возможно, и не стал использовать буквальный перевод заголовка «Век турбулентности: приключения в новом мире», заменив его более солидным «Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы». Перевод, конечно, неточный, на мой взгляд, надо было оставить вариант самого автора, но зато он приводит в соответствие личность автора и его должность.

Как видим, обсуждая особенности русского мастера Левши, мы обнаружили причину изменения заголовка при пе-

реводе книги Алана Гринспена на русский язык. Все имеет свою причину и не происходит просто так, и если знать, что искать, эту причину можно найти.

Основа свободы: версия Джона Локка

Подведем итог изучению людей типа Левши. Мы обнаружили, что вовсе не все взрослые и вполне успешные люди настолько разумны, что понимают, чего от них требует общество, то есть какие функции они должны выполнять, занимая в обществе определенное место (должность или положение). Некоторые люди даже не знают, что им надо было бы зарабатывать деньги хотя бы для обеспечения своих детей, не говоря уж о том, чтобы вкладывать средства на рынке. То есть они явно не вписываются в модель Адама Смита, использованную им при открытии закона общественной пользы эгоизма. Не все люди ведут себя разумно по отношению к тем вещам, которые важны для обогащения народов.

Тут надо еще раз подчеркнуть, что в данном случае речь идет о разумности не как владении определенным знанием или быстроте мышления, а о понимании и знании писанных и неписанных законов социальной организации общества, то есть о некотором виде социальной адекватности, точнее, неадекватности.

Именно подобную разумность выделил Джон Локк в своей книге «Два трактата о государственном правлении». Он считал, что такое качество человека является основой его свободы: «свобода человека и свобода поступать по его собствен-

ной воле основываются на том, что он обладает разумом, который в состоянии научить его тому закону, по которому он должен собой управлять, и дать ему понять, в какой степени у него остается свобода его собственной воли».

Джон Локк полагал, что формирование социальной адекватности человека (в указанном смысле) происходит по мере взросления: «Сами государства обращают на это внимание и допускают, что существует время, когда люди должны начать поступать как свободные люди, и потому до этого срока не требуют от них ни присяги, ни клятвы на верность, ни какого-либо публичного признания или заявления о повиновении правительству своих стран».

Действительно, можно сказать, что Левша – это человек, который не повзрослел при достижении им возраста, когда он формально стал взрослым. Джон Локк полагал, что все люди, за исключением психически больных, становятся взрослыми при достижении ими некоторого возраста. Пример Левши в его разных современных воплощениях показывает, что есть люди, которые сохраняют элементы сознания подростка (в рассмотренном смысле) до глубокой старости, будучи при этом совершенно здоровыми психически.

Завершая описание данной особенности личности человека, стоит подчеркнуть, что она не является каким-то дефектом. Многие достойные люди были похожи на Левшу. Они не наносят вреда обществу, если не занимают положение, требующее выполнения функций, о которых они

не имеют представления или которые считают бесполезными. То есть, лесковскому Левше не надо было поручать ремонтировать блоху или же надо было дать ему поручение, чтобы он сохранил ее прыгучесть, а затем уж давал волю своей фантазии. А Алану Гринспену с его взглядами на свободу финансистов не надо было возглавлять ФРС.

Подобный вариант использования людей типа Левши в бизнесе предлагал русский предприниматель Александр Васильевич Чичкин. Он считал, что таланты, которые, как правило, беспечны и из-за этого терпят крах в бизнесе, должны быть взяты под опеку людьми, умеющими вести бизнес. Мнение заслуживает внимания, и к нему мы вернемся чуть позже.

Итак, мы разобрались с тем, как обстоят дела с разумностью человека, проявляющейся в виде социальной адекватности. Остались еще два качества людей, по которым они могут не вписываться в модель Адама Смита. Они тоже, как и указанная разумность, уже исследованы. Об одном из этих качеств, а именно – об отношении к способам приобретения богатства и его использования написана книга, с которой знакомы, как я думаю, почти все образованные люди, особенно в России. Она называется «Преступление и наказание», автор – Федор Михайлович Достоевский.

Глава 4. Природа человека

2: версия Федора Михайловича Достоевского

Этот роман был опубликован в 1866 году, через 90 лет после выхода в свет книги о богатстве народов Адама Смита. Его научные идеи постепенно трансформировались в идеологию капитализма, которой противостояла идеология социализма.

Распространяющиеся в европейских и странах, в том числе и в России, новые экономические идеи Федор Михайлович не одобрил и доверил их критику в книге студенту Дмитрию Прокофьевичу Разумихину. В беседе с другим студентом – Родионом Романовичем Раскольниковым – Разумихин очень эмоционально высказался в адрес неназванных им авторов, отметив сразу два недостатка в их взглядах на общество.

Во-первых, как и Кеннет Рогофф в наши дни, Разумихин указал на увлеченность экономистов оторванными от жизни (от природы человека и истории развития общества) моделями: «Я тебе книжки ихние покажу: все у них потому, что „среда заела“, – и ничего больше! Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет

протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается! У них не человечество, развившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, без всякого исторического и живого пути! Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: „безобразия одни в ней да глупости“ – и все одною только глупостью объясняется! Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души»!

Во-вторых, Разумихин сделал методологическое замечание: «С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадает три случая, а их миллион! Отрезать весь миллион и все на один вопрос о комфорте свести! Самое легкое разрешение задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное – думать не надо! Вся жизненная тайна на двух печатных листках уместается»!

Но опровержением экономических и социальных теорий Достоевский Разумихину не доверил, а занялся этим сам. Писатель не поленился подумать и взять в расчет природу человека, для чего внимательно изучил несколько человеческих типов, сведя тем самым миллион случаев к некоторому ограниченному числу. Экономическая наука этого исследования не заметила, на мой взгляд, незаслуженно. Поэтому

попробуем восстановить справедливость, описав результаты исследования Федора Михайловича.

Книга «Преступление и наказание» формально представляет собой детектив, в котором рассмотрена история одного преступления. Однако от обычных детективов она отличается очень сильно, причем, не углубленным анализом психологии преступника, а тем, что там слишком много героев и побочных линий, никак не связанных с преступлением. Есть масса каких-то персонажей, историю которых Федор Михайлович зачем-то дотошно описывает. Когда я в школьные годы первый раз читал его роман, меня это страшно раздражало.

На мой взгляд, указанная особенность книги имеет единственно объяснение – Достоевский писал не детектив, и не психологическую драму, а проводил исследование существующих типов человеческой природы. Я выделю шесть из них и рассмотрю их подробнее, так как они, как мне кажется, могут стать образцом классификации видов человеческой природы, которая может вывести экономическую теорию из того тупика, в котором она сейчас находится, и превратить ее в науку.

То есть, проанализируем роман как исследование о природе человека и ее влиянии на действия человека в экономике и обществе, а не как повествование о преступлении и наказании.

Любой народ можно рассортировать по данным типам

личностей, после чего мы получим его структуру по отношению людей к способам формирования богатства. Она может выглядеть примерно так, как изображено на рисунке 1.

Рис. 1. Структура общества по типам личности в отношении к способам формирования собственности

Подобная классификация людей несет в себе намного больше информации, чем классификация с помощью понятий, которые обычно используются в настоящее время для характеристики человека. Так, например, Разумихин охарактеризовал Раскольникова следующим образом: «умный ты, но дурак». Ничего лучшего придумать не удалось. Но Раскольникова не надо пытаться описать с помощью традиционных понятий, в частности, характеризуя как умного

дурака. Сам Раскольников, вернее, его отношение к способам и целям приобретения богатства и является эталоном определенного типа личности, определенного типа природы человека, определяющего его поведение в экономике и обществе.

Шесть типов личности по отношению к приобретению богатства

Первый тип личности представляет главный герой – Родион Романович Раскольников. Студент из бедной, но благополучной семьи, человек очень хороший почти во всех отношениях. И благородный и добрый (последние деньги отдал бедной вдове, и т. п.). У него оказался только один дефект – пришла в голову идея о том, что ради добрых дел можно пойти на преступление. И задумал он убить глупую, злобную и больную старушонку-проценщицу (это характеристики Достоевского), дерущую со своих клиентов безбожные проценты, забрать у нее деньги и на них сделать много добрых дел. Своих денег на эти дела у него не было, а зарабатывать ему было то ли лень, то ли он не хотел надолго откладывать добрые дела. Не знаю, Достоевский на этом не акцентировал внимание.

Старушку Родион убил. Правда, события пошли не по намеченному им сценарию, и пришлось убить еще и хорошую и совершенно безвинную женщину – сестру проценщицы Лизавету.

К тому же, возникла и другая проблема. Главного героя романа начала мучить совесть, хотя он под свою идею пытался подвести теорию о том, что люди великие ради великих дел имеют моральное право на убийство. Но теория не по-

могла, совесть оказалась сильнее, да еще и полиция начала расследование и вышла на студента. В результате не выдержал Родион Раскольников давления совести и угрозы разоблачения и пошел в полицию с повинной. Суд оказался довольно гуманным, и, учитывая все добрые дела Раскольникова и добровольную явку с повинной, дал ему всего несколько лет каторги.

Там Родион Романович наконец-то начал раскисать, на что его подвигла, насколько я понял роман, любовь к женщине (Соне) и религия.

Как видим, тип личности Родиона Романовича никак не напоминает эгоиста из модели Адама Смита, озабоченного только тем, где лучше вложить деньги, чтобы разбогатеть, в своей стране или за границей. Студент выбрал более эффективный способ действий – убийство.

Наверное, второй по значимости герой романа – Дмитрий Прокофьевич Разумихин – тоже очень хороший человек, но без желания благодетельствовать мир за счет убийства. У него есть вполне конкретный, честный и весьма убедительный план достижения успеха за счет личного труда. Реализацией этого плана он и занимается, отвлекаясь по мере необходимости на помощь своему другу. Но и этот студент не вполне вписывается в модель общества Адама Смита, эгоизма у него маловато. Деньги хочет заработать, но стал бы он их вкладывать, появившись у него капитал, вопрос.

Еще один положительный герой – родственник Разуми-

хина, Порфирий Петрович, следователь, который расследует убийство старухи и ее сестры. Он раскрывает преступление, заодно выступая в качестве моралиста, оппонируя Раскольникову в вопросе о праве на убийство ради благого дела. Порфирий Петрович благороден настолько, что предупреждает Раскольникова о том, что знает кто убийца, и дает время на то, чтобы подумать и прийти в полицию с повинной.

И Порфирий Петрович в модель общества Адама Смита не вписывается, так как степень его эгоизма как-то неопределенна, а значит и роль в экономике неясна.

На этом положительные (с точки зрения автора романа) герои мужского пола в романе заканчиваются (Раскольников, как мне кажется, Федор Михайлович относил к положительным героям).

Список отрицательных героев открывает Лужин Петр Петрович, мелкий бизнесмен из провинции, человек деловой и занятый. Работяга: служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Он настолько деловой человек, что ему Федор Михайлович доверил произнести слова, напрямую связанные с Адамом Смитом.

Вот эти слова, которые выражают жизненную позицию Лужина и показывают, что Достоевский был осведомлен об идеях Адама Смита и дискутировал именно с ним: «Если мне, например, до сих пор говорили: „возлюби“, и я возлюблял, то что из того выходило? – выходило то, что я рвал каф-

тан пополам, делился с ближним, и оба мы оставались наполовину голы, по русской пословице: „Пойдешь за несколькими зайцами разом, и ни одного не достигнешь“. Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует, и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что чем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько более рваного кафтана и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспевания. Мысль простая, но, к несчастью, слишком долго не приходившая, заслоненная восторженностью и мечтательностью, а казалось бы, немного надо остроумия, чтобы догадаться».

Петр Петрович не нарушает законов, но его нравственные качества выглядят довольно сомнительными. Убийств, он, правда, не совершает, и к преступлению Раскольникова не имеет никакого отношения. Но он хочет взять в жены сестру Раскольникова – Авдотью Романовну, красавицу и умницу (естественно), воспользовавшись тем, то она очень бедна и готова выйти замуж без любви к Петру Петровичу в надежде на то, что тот поможет советом и деньгами ее горячо любимому брату – Роде.

В полном соответствии со своими словами об экономической правде Лужин все время думает только о собственной выгоде и стремится использовать других людей для этого, в отличие от Разумихина, который свой капитал создает личным трудом. Лужин и есть классический эгоист Адама Смита, обеспечивающий своей деятельностью, направленной только на личную выгоду, обогащение общества.

Достоевскому данный герой романа явно не нравился. И он заставил Лужина сделать подлость, обвинив в воровстве безвинную женщину – Соню, возлюбленную Родиона Раскольниковова. Наверное, Достоевский решил таким образом показать, каким на его взгляд, является, истинное лицо эгоиста.

Следующий отрицательный герой – Свидригайлов Аркадий Иванович. Он тоже, как и Лужин, хочет взять в жены Авдотью Романовну, но действует при этом уже совершенно бесчестно. Человек без чести, развратный и праздный. Проходимец, шулер, со связями, которого за долги даже посадили было в тюрьму. Но нашлась добрая помещица, которая выкупила его из тюрьмы и сделала своим мужем. После чего он довел ее до смерти и приударил за Авдотьей Романовной, благо помещица завещала ему капитал. Естественно, сестрица Раскольниковова дала такому жениху от ворот поворот. После чего тот застрелился, видно, остатки совести достали.

Такого персонажа в картине мира Адама Смита тоже нет, хотя Свидригайлов явно 100-процентный эгоист. Но вот эго-

изм его направлен не в сторону бизнеса, а в сторону жульничества.

Последний отрицательный герой в книге – это Андрей Семеныч Лебезятников, служащий в министерстве. Это, по описанию Достоевского, даже не человек, а человечек – пошленький и глуповатый, лгунишка, но при этом социальный реформатор, где-то что-то слышал и очень хочет это внедрить в российскую жизнь. Что именно он слышал, Достоевский не уточнил, а создавать Лебезятников собирался какую-то особую коммуну. Лебезятников, как и Лужин, ссылался на науку, и приводил в пример Англию, «где политическая экономия». Но свои убеждения он описал как-то неопределенно: «мы больше отрицаем».

В частности, он боролся за свободу женщин и их равенство с мужчинами, понимая это, впрочем, как-то своеобразно. Одну из женщин он отколотил, оправдывая свои действия тем, что женщины равны с мужчинами, поэтому мужчина вполне может с женщиной подраться.

В модели Адама Смита такого типа личности, как Лебезятников, тоже не было. Если использовать современную терминологию, то он представляет собой какой-то гибрид коммуниста с неолибералом. А если использовать представления Джона Локка, Лебезятникова можно идентифицировать как сторонника вседозволенности и противника свободы.

Описание героев романа выглядит совершенно случай-

ным, они все представляют разные типы личностей. Но если рассортировать их по степени готовности нарушить ради собственной выгоды права других людей, то обнаружится удивительная вещь – все эти герои образуют определенную последовательность.

Самым положительным героем в указном отношении является Порфирий Петрович. Он выступает в качестве гаранта свободы и защиты прав других людей, то есть контролирует исполнение введенного государством запрета для людей осуществлять насилие над другими людьми и наносить ущерб их собственности.

Немного менее положительным героем является Разумихин. Он хочет заработать деньги своим личным трудом, как будто следуя представлениям Джона Локка об источнике права на собственность, которым Локк считал труд.

Лужин в рамках данной классификации (но не в романе) тоже явно относится к положительным героям, так как он хоть и эгоист и не прочь поэксплуатировать других людей, но старается делать это честно. К тому же он понимает, что его личное обогащение приводит к обогащению и общества, разделяя идеи Адама Смита, то есть у Лужина присутствует некоторое нравственное начало. Достоевский, правда, все же заставил его сделать и неблагоприятным поступок, но это можно списать на личную неприязнь автора «Преступления и наказания». То есть будем считать, что люди типа Лужина не стремятся специально делать подлости ра-

ди обогащения, подправив немного его образ. Впрочем, они не идеальны, и в том случае, если выгода окажется значительной, а угроза наказания за правонарушения небольшой, они способны нарушить закон.

Первый отрицательный (в нашей классификации) герой – Раскольников – человек, который в целях обогащения, хотя и ради благих целей, считает допустимым пойти на преступление, в том числе и на убийство. В этом отношении он явный антипод Лужина (с учетом поправки образа последнего), так как тот стремится приобрести капитал, действуя в рамках закона.

Затем следует Свидригайлов – человек, который не прочь мошенничать и обманывать, ради получения денег. Он понимает, что поступает нехорошо, но это его не останавливает. У него нет намерения делать добрые дела, хотя иногда он их совершает. У него, правда, есть совесть. Свидригайлов – антипод Разумихина, который стремится зарабатывать деньги своим трудом.

Замыкает список отрицательных персонажей Лебезятников, который разительно отличается от всех предыдущих персонажей тем, что он не стремится действовать в рамках существующей экономической системы, а вообще хочет ее сломать. Он реформатор, но специфический, он стремится заменить свободу вседозволенностью.

В еще более сокращенном виде эту классификацию можно представить следующим образом.

Порфирий Петрович – следит за порядком, защищает людей, меняет систему в сторону увеличения порядка и защищенности. Защитник свободы.

Разумихин – зарабатывает капитал своим трудом.

Лужин – присваивает труд других людей, но стремится действовать в рамках закона, хотя и способен на неблагоприятные поступки, не удержавшись от соблазна.

Раскольников – готов и считает себя вправе пожертвовать интересами другого человека (вплоть до убийства) без согласия последнего ради получения средств для каких-то благих целей.

Свидригайлов – готов пойти на преступления ради получения денег для себя лично, потому что он вообще расположен к преступлениям и без всякой выгоды.

Лебезятников – стремится разрушить сложившуюся систему. Сторонник вседозволенности и враг свободы, только притворяющийся ее сторонником.

Традиционные понятия, характеризующие человека, не позволяют точно описывать происходящие в экономике процессы, что приводит к ошибкам. Например, такую ошибку сделал немецкий экономист Карл Маркс, который в своем труде о богатстве народов – «Капитале» – привел слова секретаря лондонского объединенного общества переплетчиков Томаса Джосефа Даннинга: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сло-

мать себе голову, при 100% он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы».

Звучит красиво, но неправда. Разумихин из романа «Преступление и наказание» ради 100% и даже 300% прибыли на преступление не пошел бы, и Порфирий Петрович не пошел бы. Лужин, возможно, и пошел бы, но не обязательно, мог бы и испугаться нарушить закон, если соотношение между прибылью и возможным наказанием для него было бы не в пользу прибыли. Остальные персонажи пошли бы на преступления, но каждый по своим причинам, например, Раскольников только из самых лучших побуждений, а не из желания получить значительную прибыль. А Свидригайлов пошел бы на преступление и без прибыли. То есть, Джозеф Даннинг и Карл Маркс не видели реального общества, а оперировали некоторой абстракцией, некоторой моделью общества, довольно далекой от реальности. Слова Даннинга справедливы только в отношении людей типа Лужина.

Абстрактной моделью, не соответствующей реальному обществу, воспользовался и Адам Смит в рассуждениях о невидимой руке. У него неявно предполагается, что все люди относятся к типу Лужина, то есть они думают только о выгоде от честного вложения средств на рынке и не собираются использовать другие способы обогащения. Адам Смит не учитывал наличия в обществе других типов личностей.

А если бы он это сделал, у него не было бы никакой невидимой руки, направляющей действия эгоистов на благо общества. Представьте общество, состоящее, например, из одних Раскольниковых. Невидимая рука, может быть, и направит их усилия к вполне определенному результату, но это будет развал, а не обогащение общества, так как они друг друга поубивают, исходя из самых благих намерений. И тогда какой-нибудь ученый, живущий в таком обществе, вполне мог бы открыть следующий закон: несмотря на то, что люди руководствуются желанием сделать общество лучше, их действия, как будто направляемые какой-то невидимой рукой, всегда приводят к худшему.

Можно выбрать другие типы людей, что приведет к формулировке других законов. Целый куст законов, подобных описанному Адамом Смитом, можно открыть.

Все это выглядит фантастикой, тем не менее, в этих модельных идеализациях есть некоторый смысл. Ведь не только ученые могут выбирать модель, природа делает то же самое.

Эволюция Родиона Раскольникова

1: способ трансформации

Чтобы понять, как это происходит, надо обратиться к истории развития человеческого общества, то есть после учета природы человека устранить второй недостаток современных экономических моделей, на который указал Разумихин, а именно – на отсутствие учета живого исторического пути развития человечества.

Достоевский не пробовал решить эту проблему, но он исследовал эволюцию Раскольникова, которая в чем-то повторяет эволюцию цивилизации. Проследим за мыслью писателя, вновь обратившись к роману «Преступление и наказание».

Родион Романович, по версии Федора Михайловича, каким-то образом сформировался к 20-ти годам с явной склонностью к преступлению ради благих намерений. Как и откуда возникла такая склонность, Достоевский не указал, хотя, по-моему, пытался это выяснить. В романе есть описание отдельных эпизодов из детства Раскольникова и периода, предшествовавшего его преступлению.

Как все это может быть связано с возникновением у него желания убить старушку ради всеобщего блага, мы рассмотрим в шестой главе в разделе «Эволюция Родиона Раскольникова 2: природа и причины его внутреннего конфлик-

та». Сейчас же обратим внимание не на процесс эволюции, а на ее результат. После преступления у Раскольникова постепенно изменилась личность, из человека, готового убивать ради благих дел, он превратился в человека, готового жить своим трудом. У него в мировоззрении и психике возник запрет на убийство ради благой цели, причем произошло это, насколько я понял роман, под давлением совести, влиянием любви к Соне и религии.

Таким образом, Родион Романович в результате нравственной эволюции переместился из группы людей типа Раскольникова, в группу людей, как мне кажется, типа Разумихина. То есть, совесть, любовь и религия каким-то образом приводят к перемещению некоторых людей между указанными группами. Возможно, конечно пополнение не только группы Разумихиных, но и других групп, но для упрощения будем говорить только об одной.

Следовательно, приведенная на рисунке 1 картина общества нуждается в уточнении. В группе Разумихиных на самом деле присутствует группа бывших Раскольниковых, которые не желают убийства старушек-проценщиц благодаря наличию у них комплекса представлений из окрепшей совести, веры и любви. Это изображено на рисунке 2.

Рис. 2. Структура общества по типам личности в отношении к способам формирования собственности с учетом возможности перехода из одного типа к другому

Более того, наверняка для некоторых людей не требуется наличия трех факторов в виде совести, религии и любви, достаточно чего-то одного. То есть, в разделе Разумихиных находится, на самом деле, еще несколько подгрупп. Я даже не буду их перечислять, изобразив на рисунке 3.

Рис. 3. Структура общества по типам личности в отношении к способам формирования собственности с учетом возможности разных способов перехода от одного типа к другому

Список факторов, которые устанавливают запрет на убийство и приводят к сокращению группы Раскольниковых, можно было бы продолжить, а некоторые из указанных факторов, возможно, таковыми не являются (любовь кажется несколько спорным моментом). Суть не в этом, важно, что они существуют и их много.

Цивилизационная структура общества и шесть типов личности по социальной адекватности

Итак, мы получили уточненную картину реальной структуры народов по типам личностей. Оказывается, в рамках каждой группы существуют различные подгруппы, в зависимости от причин, которые привели к появлению этой подгруппы.

Более того, эта структура находится в постоянном изменении, к которым приводят два обстоятельства. Во-первых, отдельные люди попадают под воздействие тех или иных причин, запрещающих им убивать старушек, как это произошло с Раскольниковым. Во-вторых, эти причины могут появляться или исчезать в процессе развития общества.

То есть, группу, например, Разумихиных можно представить состоящей из множества подгрупп, возникших в ходе эволюции каждого конкретного человека в отдельности. Это будут подгруппы бывших Раскольниковых с запретом на убийство по разным причинам, плюс подгруппа бывших Свидригайловых, поверивших, допустим, в бога.

Но это еще не все. Мы рассмотрели цивилизационную структуру общества только по отношению людей к способам обогащения. Но подобная структура может быть введена

и в других отношениях, в частности, по степени разумности человека, определяемой как степень его понимания писанных и неписанных законов общества, то есть как социальная адекватность. В предыдущей главе мы описали только один тип человеческой личности в данном отношении, но можно выделить еще несколько.

Антиподом Левши должен быть человек здравомыслящий, умеющий приспособливаться к условиям и правильно оценивающий ситуацию в обществе. У Лескова Левше противопоставлялись англичане в целом, но в Англии есть люди разных типов, как и во всех других странах. Более того, в английской литературе есть очень известный и характерный представитель типа Левши – знаменитый сыщик Шерлок Холмс из рассказов Артура Конан Дойла. А у сыщика есть антипод – доктор Ватсон, просто образец здравомыслия.

Кроме указанных типов, в отношении к социальной адекватности можно выделить и другие по аналогии с типами личности, описанными в романе Достоевского. В частности, это социопаты – люди, которые сознательно стараются действовать против законов. В рассказах о Шерлоке Холмсе этот тип личности представлен профессором Мориарти. Ну и есть просто бестолковые люди, которые постоянно поступают против здравого смысла, даже не желая этого. Это инспектор Лестрейд.

С другой стороны, в рассказах Артура Конан Дойла людей социально адекватных представляет, кроме Ватсона, мис-

сис Хадсон, возможно, еще более социально адекватная, чем доктор, а также старший брат Шерлока Холмса – Майкрофт, который не только сам старается следовать здравому смыслу, но и стремится расширить сферу здравого смысла.

Таким образом, структура общества в отношении к социальной адекватности может быть представлена примерно так, как изображено на рисунке 4. Конечно, указанные типы личностей следовало бы уточнить, но я не буду этим заниматься, так как данная структура носит число иллюстративный характер. Важны для наших будущих рассуждений только люди типа Левши.

Рис. 4. Структура общества по типам личности в отношении социальной адекватности

Подобную структуру общества, типа того, которая изоб-

ражена на рисунках 1 и 4, в дальнейшем будем называть цивилизационной, так как она сформирована в процессе развития человеческой цивилизации.

В каждой из указанных групп людей есть свои подгруппы в зависимости от того, какие запреты (правила, чувства) формируют поведение человека указанного типа. То есть, система запретов, которые существуют в обществе, определяет структуру общества по типам человеческой личности.

Ничего не напоминает такая система? Она похожа на генетическую систему человека, в которой в качестве генов выступают те или иные запреты, приводящие к формированию отдельных групп личностей. И точно также как какой-то ген у белого лебедя определяет его цвет, тот или иной запрет, как какой-то ген цивилизации, приводит к появлению некоторой группы людей, что меняет характеристики общества в целом и отражается на его экономике и социальной жизни.

То есть, подобные запреты представляют собой те причины, которые мы искали, а именно, факторы, которые проявляются в причинно-следственных связях, определяющих развитие экономики. Как это происходит, посмотрим на примере истории России за последнюю пару веков.

Глава 5. Эволюция России: природа и причины ее национальных особенностей

А был ли социализм?

Сейчас принято считать, что в СССР существовал социализм, который сошел с исторической арены, не выдержав соревнования с капитализмом. Однако если присмотреться к некоторым деталям произошедших событий, то легко обнаружить, что ситуация выглядит намного сложнее.

Представления о социализме возникли очень давно, но принято считать, что научное представление о социализме ввел немецкий экономист и общественный деятель Карл Маркс в своей работе «Критика Готской программы», написанной им в 1875 году.

Там сказано, что коммунистического общество, где собственность на средства производства станет коллективной, будет состоять из двух фаз. В первой фазе будет сохраняться распределение по труду, а на второй каждый будет трудиться по способностям, и получит по потребностям. И это последнее произойдет, в частности «когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребно-

стью жизни», а также «когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком». Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе, которому соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата.

Вот, собственно говоря, и все. Является ли первая стадия коммунистического общества социализмом, Карл Маркс не пояснил. Не уточнял он и совпадет ли переходный период с первой стадией коммунистического общества.

Высказался по поводу социализма и другой немецкий экономист и общественный деятель – Фридрих Энгельс. В письме Йозефу Вейдемейеру 12 апреля 1853 года он отметил необходимость наличия определенных условий для перехода от капитализма к коммунизму.

Фридрих Энгельс написал, что если их рабочая партия будут вынуждена стать у власти в такой отсталой стране как Германия, то она будет вынуждена «производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны».

«При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным

событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже», – считал Фридрих Энгельс.

Это, собственно и есть представления классиков марксизма о социализме. Из них ясно одно, социализм или коммунизм – это следующая после капитализма стадия развития общества (Маркс), которая будет реализована тогда, когда для этого созреют условия (Маркс, Энгельс), в том числе и нравственные, в частности, труд станет потребностью.

Такое понимание социализма Фридрих Энгельс подтвердил в книге «Анти-Дюринг», опубликованной в 1877 году, и в подготовленной на основе нескольких глав из этой книги работе «Развитие социализма от утопии к науке», опубликованной в 1880 году. Но и там он не конкретизировал определение социализма, хотя и сделал важное, на мой взгляд, замечание о том, что объявление социализмом всякого огосударствления является фальшивым социализмом.

По мнению Фридриха Энгельса, социалистическим будет только такое огосударствление, которое осуществиться тогда, когда оно станет *«экономически неизбежным»*. Слово *«экономически»* выделил не я, а Фридрих Энгельс.

Сам Энгельс определения давал довольно небрежно. Это видно уже по заголовку его работы: «Развитие социализма от утопии к науке». Здесь под социализмом имеется в виду научная теория, которая была разработана, в основном, Карлом Марксом. Следовательно, здесь Фридрих Энгельс со-

циализмом называл научную теорию, а не вид социального устройства общества, то есть он подразумевал то, что сейчас принято называть марксизмом.

Тем не менее, данного классиками марксизма определения социализма как этапа закономерного развития общества вполне достаточно для понимания того, что это такое, так как словами «экономически неизбежным» указано самое главное. Это значит, что социализм – это тот общественный строй, который может быть реализован в результате действия законов экономики, а не то, что кто-то решил назвать этим словом.

Любой научный термин, должен определяться по отношению к той причинно-следственной связи, к которой он относится. Это правильная мысль, полностью соответствующая рассуждениям Джеймса Стюарта Милля об истинной индукции. На мой взгляд, Фридриху Энгельсу тут стоило бы сослаться на Милля.

Но он этого не сделал, и пытался применить истинную индукцию, не указывая этого явно. Энгельс правильно заметил, что термин «социализм» должен отражать этап развития общества в процессе изменения общественно-экономических формаций от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, а затем к феодальному, капиталистическому и, наконец, к коммунизму.

Классики марксизма, правда, сделали ошибку, на которую указал Федор Михайлович Достоевский, то есть не учли при-

роду человека, которая наряду с экономическими условиями определяет смену социально-экономических формаций. Вернее, они считали эволюцию природы человека вторичным процессом по отношению к изменению экономических отношений. Поэтому, возможно, и законченной теории развития данных формаций у них не получилось, хотя исследования начальных стадий развития капитализма производят впечатление научных (на всякий случай отмечу, что Карл Маркс не закончил «Капитал»).

Вот так и получилось, что Фридрих Энгельс правильно указал, как надо определить социализм – в рамках научной теории, но не ввел это определение. Он не мог это сделать, так как такой теории в законченном виде у него еще не было. Поэтому и определить, что такое социализм точно не представлялось возможным. Так было во времена Энгельса, в таком положении ситуация находится и поныне.

Чтобы понять правила введения терминов, соответствующих причинно-следственным связям, в случае с социализмом, можно привести пример с бассейном. Если в нем налить воды на глубину около метра, то это «лягушатник» – бассейн для детей. Если в бассейн налить воду на уровень где-то от 2-х до 4-х метров, то получится плавательный бассейн для взрослых. А если налить воды метров под 8, да еще пристроить вышки, то окажется уже бассейн для прыжков. Ну а если залить водой все здание бассейна, надежно законопатив все дырки, получится океанариум, куда можно будет запустить

поплавать акул или еще кого-нибудь. А если бассейн уменьшить и сделать его в виде небольшой коробки из стекла, то получится аквариум (это движение в обратную сторону).

Данная цепочка определений прекрасно иллюстрирует диалектический закон перехода количественных изменений в качественные, в который вписывается и эволюция общественно-экономических формаций. По мере увеличения уровня воды и некоторых конструктивных изменений помещения возникают качественно новые возможности и появляются новые понятия. Точно так же по мере развития в обществе производительных сил (уровня воды) и отношений (конструкция помещений) происходит возникновение новых черт у общества и смена общественно-экономических формаций, в соответствии с которыми и вводятся термины — названия этих формаций.

Подобный порядок введения понятий делает понятным и упоминавшееся выше письмо Фридриха Энгельса Йозефу Вейдемейеру. Энгельс, собственно, написал, что воды в бассейне под названием «Германия» еще мало даже для того чтобы плавать, а не только для ныряния, поэтому прыгать с 10-й метровой вышки нельзя, так как можно расшибить голову о дно, а окружающие пловцы такого прыгуна назовут дураком. Что, отметим, и произошло несколько позднее в СССР, где, говоря образно, около 70 лет пытались прыгать с вышки в помещении плавательного бассейна без воды, разбив массу голов и заслужив репутацию как чудовищ (это,

в частности, Иосиф Виссарионович Сталин) так и дураков (на эту роль подходит Леонид Ильич Брежнев, по крайней мере, в последнее годы его жизни). Как видим, наука, которую в данном случае представлял Фридрих Энгельс, правильно предсказала будущие события.

Какой уровень производственных сил и отношений соответствует социализму, никто не знает. Классики марксизма были заняты выяснением того, что представляет из себя реально существующий в их время капитализм. А Энгельс, как мне кажется, отвлекся на рассуждения по поводу социализма только для того, чтобы отметить, что социализм не означает огосударствление, чтобы остудить пыл энтузиастов, готовых нырять в бассейне без воды. Это у него, правда, не получилось, и энтузиасты исполнили-таки свое желание.

Классики марксизма, в сущности, сделали не так уж и много. Карл Маркс описал в своем знаменитом, хотя и незаконченном, труде – «Капитал» – процесс перехода от феодализма к капитализму в Западной Европе. Процесс довольно прост: в недрах феодального общества на базе ремесленников и купцов постепенно формируются торговый и промышленный капитал и передовой (для феодализма) класс буржуазии, которая, набрав силу, берет власть в свои руки мирным или революционным путем.

Ситуацию уточнил Макс Вебер, который в своей книге «Протестантская этика и дух капитализма», опубликованной в 1905 году, показал особое значение для возникно-

вения капитализма протестантской этики, то есть, говоря упрощенно, стремления обогатиться честным трудом. Он обнаружил важность для капитализма людей типа Лужина.

Сейчас термин «социализм» используется в самых различных значениях, за исключением, пожалуй, только одного – марксистского, то есть правильного. Так, например, Фридрих Август фон Хайек, автор критической по отношению к социализму книги «Дорога к крепостному праву», впервые опубликованной в 1945 году, в предисловиях к ее последующим изданиям выделил несколько определенных этого термина.

В предисловие к американскому карманному изданию 1956 года он описал «горячий» социализм как «организованное движение к рассчитанному обустройству экономической жизни под эгидой государства – главного собственника средств производства». В предисловие к репринтному изданию 1976 года он отметил, что в те годы, когда он писал эту книгу, «социализм однозначно понимался как национализация средств производства и централизованное экономическое планирование, которое благодаря национализации становится возможным и необходимым». То есть использовалось то понимание этого термина, которое Фридрих Энгельс назвал фальшивым.

После этого Фридрих Август фон Хайек уточнил, что позднее «под социализмом стали понимать прежде всего широкое перераспределение доходов с помощью налогооб-

ложения и институтов «государства всеобщего благосостояния». То есть, стала использоваться другая разновидность фальшивого определения социализма.

Таким образом, научное понимание социализма как определенного этапа в социально-экономическом развитии общества, следующем за капитализмом, в настоящее время надежно забыто (в мейнстриме). Оно было заменено на определение конкретных видов государственного устройства, существующих на разные моменты времени в разных странах. То есть, все усилия Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые они предприняли, пытаясь объяснить, что термины имеют значение только в рамках теории, и им нельзя придавать произвольное значение, пропали зря. В данном случае классики марксизма, повторим, действовали вполне в духе истинной индукции. Впрочем, отметим и то, что основоположники марксизма не были последовательными в использовании научно методологии и в «Манифесте коммунистической партии» дали волю фантазии, выпустил на волю «призрака коммунизма».

Но вернемся к вопросу о социализме. Итак, вопрос о том, каков должен быть уровень развития экономики для социализма, какие условия означают «экономическую неизбежность» огосударствления частной собственности, как последователями, так и противниками марксизма был благополучно замят. Поэтому люди в самых разных странах с уверенностью говорили о реальном существовании социализма.

В частности, о социализме в СССР, о шведском социализме и даже о британском социализме.

Но являются ли все эти понятия социализмом в марксистском понимании, или это все фальшивки (будем пользоваться терминологией Фридриха Энгельса)?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, что произошло в СССР в результате перехода власти к большевикам. А случилось вот что: были постепенно ликвидированы капиталистические производственные отношения, и тем самым из экономики был изгнан основанный на частной собственности личный эгоизм, на важность которого обратил внимание Адам Смит в своей книге о богатстве народов.

В СССР отказались от использования такого эгоизма в условиях, когда новая порода человека, готового работать не в силу стремления к личному обогащению, а в силу потребности, еще не сформировалась. То есть, если воспользоваться сравнением с бассейном, в СССР снизили уровень воды в бассейне. И что же после этого вышло?

Для ответа на этот вопрос, можно посмотреть, что произойдет, если в бассейне для плавания спустить воду. Получится лягушатник или же какое-то подобие аквариума в виде лужи на дне. Можно сказать, что получится здание для бассейна, яма для бассейна, но никак не бассейн, где можно прыгать с вышки.

Следовательно, рассуждая по аналогии, можно сказать, что если устранить капиталистические производственные

силы и отношения, то в результате может возникнуть не социализм, а только феодализм, рабовладение или же первобытнообщинный строй. Конечно, в СССР были некоторые черты всех трех указанных формаций, но от феодализма, пожалуй, было больше всего. А вот в «социалистической» Камбодже явно был восстановлено рабовладельческое общество. А современные израильские «социалистические» сельскохозяйственные кибуцы, похоже, относятся к первобытнообщинному земледелию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.